

Соч. Бальзака.

Г Е М Н Ы Е

РАЗСКАЗЫ

ОПРОКИНУТОЙ ГОЛОВЫ.

I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

ТЕМНЫЕ

РАЗСКАЗЫ

ОПРОКИНУТОЙ ГОЛОВЫ.

Соч. Бальзака.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чшобы по напечатаніи , пред-
ставлены были въ Ценсурный Комиспетъ
при экземпляра. 2 Іюня 1834 года.

ЦЕНСОРЪ *Никитенко.*

ГЛАЗЪ БЕЗЪ ВЪКА.

ГЛАЗЪ БЕЗЪ ВЪКА.

»Hallowéen, Hallowéen« раздавалось повсюду, »это вечеръ святой ночи, прекрасной ночи Скельпівевъ (*) и Феріевъ! (**) Каррикъ! и ты, Колеанъ, идеше ли? Всѣ креспьяне Каррикъ Бордера (***) сошлись; наши Меги и Женніи шакже придуть. Мы принесемъ хорошаго вискея въ огромныхъ оловянныхъ сосудахъ, благовоннаго моху, сочнаго паррича (****). Погода прекрасная; должно бытъ лунному сіянію. Товарищи! развалины Кассиль Довнана никогда не видывали такоуго веселаго общеспва!»

Такъ говорилъ Джокъ Мюрландъ, Фермеръ, молодой вдовецъ. Онъ,

(*) Водяные демоны. (**) Фен. (***) Имя Кантона. (****) Шопландскій Пуддингъ.

подобно большей части Шотландскихъ креспьянъ, былъ вмѣстѣ и Богословъ и опчасти Поэпъ; большой пипухъ; но, не смотря на это, человекъ весьма бережливый; его окружали Мюрдокъ, Вилль, Лапрайкъ и Томъ Дуккашъ. Они находились близъ деревни Кассилистъ.

Вы вѣрно не знаете, что значить слово Hallowéen: это есть названіе ночи волшебницъ, около половины Августа. Тогда ходящъ совѣтовашься съ деревенскимъ колдуномъ; тогда все домовые пляшутъ въ кустарникахъ, скачутъ по полямъ, верхомъ на блѣдныхъ лучахъ мѣсяца. Эта ночь бываетъ карнаваломъ духовъ и гномовъ. Тогда нѣтъ ни одной пещеры, ни скалы, въ которой бы не было бала или пирушки; нѣтъ цвѣпочка, который бы не колебался отъ дуновенія какойнибудь Сильфиды, ни хозяйки, которая бы не запирала крѣпко дверей, боясь,

чтобы Спонки не унесъ завпрака, назначеннаго для слѣдующаго ушра, или чтобы онъ, своими проказами, не лишилъ ужина дѣшей, спящихъ вмѣстѣ, въ одной колыбели.

Такова была торжественная ночь, смѣшанная съ фантаспическою прихотью и тайнымъ спрахомъ, кошорая гопова была спустихся на пригорки Кассилиса. Представъте себѣ гористое мѣстоположеніе, подобное взволнованному морю, и коего многочисленныя холмы покрыты зеленымъ блестящимъ мохомъ; далѣе, на крутой, выдавшейся скалѣ, зубчатые стѣны разрушеннаго замка, коего часовня, лишенная крыши, осталась почти неповрежденною и возвышалась въ чистый эфиръ свои тонкія колонны, голыя, какъ зимою древесныя вѣтви, обнаженныя отъ лисъевъ. Земля въ эпомъ кантонѣ безплодна. Злапистый дрокъ служить убѣжищемъ зайцевъ; скала, въ нѣкошоромъ

опдаленіи, кажешся голою. Человѣкъ, признающій Высшую власть только при погибели и ужасѣ, почитаетъ эту бесплодную почву заклеянною печатью отверженія самаго Божества. Великія и безчисленныя благодѣянія Всевышняго внушаютъ намъ мало благодарности: Его кару и строгость обожаемъ мы.

Спонки плясали на мягкой муравѣ Кассилесской, и взошедшая луна казалась широкою и красною сквозь разбиыя стекла главнаго входа въ часовню. Она казалась висящею на небѣ, какъ огромный горящій шаръ, на которомъ рисовались обломки оконницъ и камней.

Спонки! это существо съ женскою головою, бѣлою, какъ снѣгъ; съ длинными, пламенными власами. Прекрасныя крылья, составленныя изъ воздушныхъ тканей, поддерживаемыя спонками и эластическими фибрами, прикрѣплены не къ плечамъ, но къ бѣ-

лой, прелестной рукѣ, около копорой они обвиваются. Спонки естъ Гермафродитѣ; имѣя женскія черпы лица, онѣ одаренѣ тонкимъ и легкимъ етаномъ, свойственнымъ первой юности мужчины. Спонки не имѣютъ другой одежды, кромѣ крыль, соспоящихъ изъ тонкой и прозрачной ткани, гибкой и плопной, непроницаемой и легкой, какъ крыло непопья. Темноватый оппѣнокъ, сливаясь съ свѣплымъ пурпуромъ, переливается на эшой природной одеждѣ, копорая обвиваетъ Спонкія, когда онѣ находятъся въ спокойномъ положеніи, подобно знамени вокругъ его древка. Длинные жилочки, цвѣта черной спали, поддерживаютъ эштѣ огромные крылья, коими одѣваются Спонкіи. Окончности ихъ вооружены стальными когпями. Горе хозяйкѣ, копорая осмѣлилась подойти вечеромъ къ болоту, гдѣ спрятанъ

Спонки, или къ лѣсу, по кошорому онъ спремился!

Пляски Спонкіевъ начались уже на берегахъ рѣки Дуна, когда веселое общество женщинъ, дѣпей и молодыхъ дѣвушекъ приближалось къ онимъ. Духи потчасъ исчезли. Большія крылья ихъ вдругъ развернулись и помрачили воздухъ. Вы бы почли ихъ за спаю пшицъ, вдругъ поднявшихся изъ мелкаго куспарника. Яснось мѣсяца на нѣсколько минуиъ померкла; Мюрландъ и его товарищи остановились.

» Мнѣ спрашно! вскричала молодая дѣвушка.

— Вотъ еще! есть чего пугаться! опивчалъ Фермеръ; эшо разлепаяющя дикія ушки!

» Мюрландъ! сказалъ ему молодой Колеанъ съ укорительнымъ голосомъ, съ шобою непремѣнно случился что нибудь худое; ты ни чему не вѣришь.

— Наломаемъ орѣшника и сожжемъ наши орѣхи, сказала Мюрландъ, не обращая вниманія на упрекъ своего поварища; сядемъ здѣсь, и опорожнимъ корзинки. Вотъ прекрасное мѣсто; — скала насъ закрываетъ, дернъ доставляетъ намъ пуховое ложе. Самъ сапана не прерветъ моихъ размышленій, кои будутъ слѣдствіемъ дѣйствія эпѣхъ бушенокъ.

» Но Богиллы (*) и Бруннылы (**) могутъ найти насъ здѣсь, сказала боязливо молодая женщина.

— Унеси ихъ Кранреучь (***) подхватилъ Мюрландъ.

Живѣе, Лапрайкъ! разведи здѣсь, близъ скалы, огонь изъ упавшихъ листьевъ и сухихъ сучьевъ: мы подогрѣемъ вискей, и если дѣвицы хошяшъ узнашъ, какого жениха опредѣлилъ имъ Богъ или нечистая сила, то мы здѣсь можемъ

(*) Духи лѣсовъ. — (**) Духи кустарниковъ. —

(***) Сѣверный вѣтеръ. —

удовлестворитъ ихъ любопытству. Бомъ Леслей принесъ съ собою зеркало, орѣховъ, льнянаго семени, парелокъ и масло. Кажется, этого довольно будетъ, Лассы, (*) для вашихъ гаданій?

— Довольно, довольно, отвѣчали Лассы.

— Но, сначала мы поъемъ, прибавилъ Фермеръ, который своимъ властолюбивымъ характеромъ, богатствомъ, хорошо наполненнымъ погребомъ, женщинами и своими земледѣльческими познаніями пріобрѣлъ въ своемъ кантонѣ нѣкоторое первенство надъ прочими.

Припомъ же, друзья мои, вы вѣрно знаете, что между всѣми землями въ свѣтѣ, въ которыхъ низшее словіе вмѣстѣ и образовано и суевѣрно, первое мѣсто занимаетъ Шотландія. Спросите объ этомъ Валперъ Скопша, сего знаменитаго Шот-

(*) Молодыя дѣвицы.

ландца, который своимъ величіемъ одолженъ способности, данной ему Богомъ, предспавлять символически духъ своего народа. Въ Шотландіи вѣрують во вѣхъ гномовъ, и въ хижинахъ разсуждають объ опвлеченной Философіи.

Ночь Hallowéen посвящена исключительно суевѣрію. Тогда собираются прозирасть въ будущность. Нужныя вспомогательныя для сего средства извѣсны и неопровергаемы. И самыхъ церковныхъ обрядовъ не соблюдаютъ столь строго, какъ весьма любопытную церемонію, въ которой каждый бывалъ вмѣстѣ и жрецъ и колдунъ; ее почитали жигтели Кассилиса цѣлью своего ночнаго спранствія. Это просное колдовство имѣеть невыразимую прелестъ. Здѣсь, какъ бы оспанавливаешься, такъ сказашь, на предѣлахъ истины¹ и вымысла, и сообщаешься съ подземными существами. Самые обыкновенные

предметы принимаешь за священные и таинственные; древеснымъ листомъ или ржанымъ колосомъ возбуждаешь въ себѣ надежды и опасенія. Обычай пребысть, чтобы не начинать праздника Hallowéen прежде полночи, въ полночь часъ, когда вся атмосфера наполняется чрезвычайными существами, и когда не только Спонкин, главныя дѣйствующія лица, но и всѣ сонмища Шотландскаго духовнаго міра занимають свое владѣніе. Наши крестьяне, собравшись съ девяти часовъ, проводили время за виномъ, распѣвая старинныя прелестныя баллады, въ которыхъ меланхолическій и наивный голосъ ихъ такъ хорошо согласовался съ напряженнымъ размѣромъ, съ мелодіею, упадающею отъ спопы къ спопѣ спиранными промежутками съ особеннымъ употребленіемъ хроматическаго рода. Молодыя дѣвушки, въ своихъ пестрыхъ пледахъ и шерстя-

ныхъ юбочкахъ удивительной чистоты, женщины съ улыбкою на устахъ; дѣши, украшенныя прелестными красными ленточками, повязанными на колѣняхъ и служащими имъ подвязкою и украшеніемъ; молодые люди, коихъ сердце билось сильнѣе, при приближеніи таинственнаго часа, въ который должны были узнать свою судьбу; одинъ или два старца, коихъ вкусная влага возвратила къ ушѣхамъ молодыхъ лѣтъ, составляли весьма занимательную группу, достойную кисти Вилки, и могшую доставить усладу душамъ, которыя, среди множества потрясающихъ судорожныхъ движеній, доступны еще ушѣхамъ истиннаго и глубокаго чувства.

Мюрландъ особенно предавался шумной радости, которая искрилась подобно густой пѣнѣ и сообщалась всѣмъ слушателямъ.

Онъ принадлежалъ къ числу характеровъ, кои съ лѣтами не укроща-

юпся, и былъ одинъ изъ шѣхъ дѣя-
тельныхъ и мощныхъ людей, кои
проживаясь жизненнымъ бурямъ и
невздамъ. Молодая дѣвушка, соеди-
нившая свою участь съ участью Мюр-
ланда, умерла въ родахъ послѣ двухъ-
лѣтней супружеской жизни, и Мюр-
ландъ поклялся не жениться болѣе.
Всѣмъ извѣстна была истинная при-
чина смерти Тюльзи: она умерла отъ
ревности Мюрланда. Она была дѣвуш-
ка нѣжнаго сложенія, и ей едва мину-
ло шестнадцать лѣтъ, когда она
вышла за Фермера. Она любила его,
не зная жестокости его души, ни
ярости, коей онъ могъ предаваться,
и пѣтъ наносить ежедневныя огор-
ченія, какъ себѣ самому, такъ и его
окружающимъ. Джокъ Мюрландъ былъ
ревнивъ до безумія, и самая нѣжность
его молодой подруги не въ состоя-
ніи была его успокоить.

Однажды, среди зимы, заспа-
вилъ онъ ее съвздишь въ Эдимбургъ,

чтобы избавишь се опть мнимыхъ прельщеній молодого Лерда, который вздумалъ провести зимнее время въ деревнѣ. Всѣ поварищи Фермера, и даже самъ священникъ, не преминули опклоняшь его опть эшаго намѣренія; онъ опвѣчалъ только, что горячо любитъ свою Тюльзію, и самъ лучше можетъ судишь о томъ, что способно его семѣйную жизнь сдѣлать благополучною. Подъ крестьянскою кровлею жилища Джока часто слышны были жалобы, крики и плачь; братъ Тюльзи не рѣдко говорилъ своему зятю, что его поведение незвинительно; жаркая ссора была слѣдствіемъ сихъ упрековъ; молодая женщина поспепенно спановилась нездоровѣе и слабѣе.

Наконецъ глубокая горестъ превозмогла ея силы. Мюрландъ впалъ въ мрачное опчаяніе, которое продолжалось нѣсколько лѣтъ; но поелику все проходитъ въ эшомъ мірѣ, то

и онъ, поклявшись оспапъся вдовцомъ на всю жизнь свою, забылъ мало по малу ту, смерти которой онъ былъ невольною причиною. Женщины, въ печеніе нѣсколькихъ лѣтъ смотрѣвшія на него съ отвращеніемъ, простили его наконецъ, и въ ночь Hallowéen онъ явился споль же веселымъ, говорливымъ, забавнымъ, пьющимъ и оспроумнымъ, какъ и до смерти его жены; его умные рассказы, умѣстныя шушки и шумные возгласы развеселяли ночное собраніе и поддерживали его веселое расположеніе духа.

Уже испощили почти весь запасъ старинныхъ романсовъ, когда ударило полночь, и прощяжные звуки колокола пробудили далекое эхо. Всѣ порядкомъ подпили. Вошъ наступила минута обычныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Всѣ, кромѣ Мюрланда, встали.

— » Пойдемъ искапъ кайль! пойдемъ искапъ кайль! вскричали всѣ..... «

Молодые люди и дѣвушки разсыпались по полямъ и возвращались, принося каждый по корню, вырванному изъ земли: это былъ кайль. Надо было вырвать съ корнемъ первое растѣніе, попадающее подъ ноги; если корень прямой, то мужъ или жена будутъ хороши собою и добраго нрава; если же корень не прямой, то мужъ или жена будутъ уродливы и злонравны; если на ошропкахъ его останется земля, то будешь жить въ изобиліи и счастливо; если же корень чистъ и понокъ, то не долго придется хозяйничать. Представьте себѣ смѣхъ, шумъ, деревенскія шушки, къ коимъ подавали поводъ эти находки: всѣ толпились и собирались въ кружокъ, для сравненія своей добычи; даже маленькія дѣти имѣли свой кайль.

» Бѣдный Вилль Говерель! вскричалъ Мюрландъ, смотря на корень, который держалъ въ рукахъ молодой

человѣкъ, у тебя жена будешь горбаша: пвой кайль похожъ на хвостъ моего поросенка. «

Попомъ всѣ сѣли и начали опвѣдывать соки всякаго корня: горькій корень означалъ злаго мужа; сладкій— мужа слабаго, дряхлаго; благовонный корень — супруга весело-нравнаго. Послѣ этой церемоніи принялись за обрядъ tar-pickle. Молодыя дѣвушки, съ повязанными глазами, идутъ каждая срывать по три ржаныхъ колоса. Если конечнаго зерна не достаетъ въ одномъ колосѣ, то не сомнѣваются, что будущему мужу этой крестьянки придется проспать слабость, учиненную прежде брачной ночи. О Нелли! Нелли! всѣ три колоса пвой лишены своего tar-pickle, и ты не освободишься отъ насмѣшекъ. Правда и то, что вчера еще false house, или запасной анбаръ, былъ свидѣтелемъ довольно продолжитель-

наго своего свиданія съ Робертомъ Луачомъ.

Мюрландъ смотрѣлъ на окружающихъ его, не принимая дѣятельнаго участія въ ихъ забавахъ.

» Орѣхи! орѣхи! вскричали всѣ.

Изъ корзинки вынули мѣшокъ съ орѣхами и приблизились къ огню, который беспрестанно раздували. Луна изливала яркое сіяніе. Всякій взялъ по орѣху. Это гаданіе въ большомъ уваженіи. Раздѣляющіяся на группы; свой орѣхъ называющъ собственнымъ именемъ и кладущъ его въ огонь, вмѣстѣ съ орѣхомъ, названнымъ по имени невѣсты. Если оба орѣха горятъ спокойно одинъ возмѣ другаго, то союзъ будетъ продолжителенъ и счастливъ; если же орѣхи лопающіяся и опскакивающъ одинъ ошъ другаго, то въ хозяйствѣ будутъ происходить частыя ссоры. Нерѣдко молодая дѣвушка кладетъ въ огонь двойной символъ того, къ кому при-

вязана вся душа ея, и какова же бываетъ ся горестъ, когда совершаешся это разлученіе и будущій супругъ далеко опскакиваетъ опъ своей подруги!

Ударилъ часъ; но крестьяне не переспавали еще вопрошатъ мистическіе оракулы. Ужасъ и довѣріе, смѣшиваясь съ сими гаданіями, придавали имъ новую прелестъ. — Спонкіи опяшь начали пошевеливаться въ колеблющихся кустахъ. Молодыя дѣвушки дрожали опъ страха. Луна, высоко поднявшаяся на небѣ, сокрылась за облакомъ. Совершали обряды: землянаго горшка, погашенной свѣчи, яблока, сопровождаемые великими заклинаніями, коихъ неизъясню я. Валю Маллы, одна изъ прекраснѣйшихъ молодыхъ дѣвушекъ, при раза окунула руку въ воды Дуна, восклицая при этомъ: » Суженый, суженый, кошораго еще нѣтъ, гдѣ ты? Вотъ тебѣ рука моя! « Трижды повторила

она это заклинаніе — и вдругъ испустила пронзательный крикъ.

» Ахъ! Боже мой! Спонки схватилъ меня за руку! « вскричала она. Смѣльчійшіе поспѣшили къ ней, и всѣ, кромѣ Мюрланда, ужаснулись. Малыи показала свою окровавленную руку; судьи обоего пола, крихъ долговременная опытность дѣлала искусными въ истолкованіи такихъ предвѣщаній, рѣшили пошчасъ, что царапина не причинена, какъ объявилъ по Мюрландъ, какимъ либо колючимъ растѣніемъ; но что рука молодой дѣвушки въ самомъ дѣлѣ носилъ на себѣ оппеченокъ острыхъ когтей Спонкія. Также рѣшили единогласно, что это опытъ предвѣщаетъ Малыи, что она чрезъ нѣсколько времени выйдеть замужъ за ревниваго. Вдовый фермеръ, подпилъ вѣрояшно, болѣе нежели слѣдовало.

» Ревниваго! ревниваго! « вскричалъ онъ.

Онъ въ эпомъ рѣшеніи вздумалъ подозрѣвать намѣкъ на его собственную испорію.

» Я, продолжалъ Мюрландъ, опорожнивая оловянную кружку, ровно съ краями налишую вискеемъ, я тысячу разъ охотнѣе соглашусь женишься на Спонкѣ, нежели сочешашься впорочно бракомъ. Я узналъ, что значить жить въ неволѣ: это все равно, что быть заключеннымъ герметически въ бутылкѣ вмѣстѣ съ обезьяною, кошкою или палачемъ: Я ревновалъ бѣдняжку Тюльзію, можетъ быть, напрасно; но спрашиваю васъ самихъ, какъ и не быть ревнивымъ? Есшьли какая нибудь женщина, которая не требовала бы всегдашняго за собою присмотра?..... Я не спалъ по ночамъ, цѣлый день не опходилъ опъ нея, и ни на минушу не смыкалъ глазъ своихъ. Дѣла по моей фермѣ шли плохо; во всемъ былъ убытокъ. Тюльзія же скучала моимъ присутствіемъ.

Нѣтъ! пусть пять милліоновъ чершей поберутъ женишбу!.....

Одни смѣялись, другіе, соблазненные рѣчами его, молчали. — Оспавалось испытать послѣднее и самое опасное гаданіе, — обрядъ зеркала. Садяпся, съ свѣчою въ рукѣ, предъ маленькимъ зеркаломъ; прижды дуютъ на стекло; прижды его и обтираютъ, приговаривая: *Появись мой суженый!* или: *Появись моя суженая!* Тогда залѣвымъ плечомъ вопрошающей судьбу особы ясно показывается фигура, которая смопрится въ зеркало; это есть изображеніе суженаго или суженой, которыхъ призывали.

Никто не осмѣливался, послѣ заключенія съ Малыи, еще разъ помужествовать съ сверхъестественными силами. Свѣча и зеркало находились на землѣ, и никто не отваживался употребить ихъ въ дѣло. Рѣка Дунъ текла шумно между кустарниками; длинная серебристая полоса, препенущая

въ опдаленности, казалась глазамъ креспьянъ блестящимъ слѣдомъ Скельпёвъ или рѣчныхъ духовъ; Мюрландова маленькая Гайландская кобыла съ чернымъ хвостомъ и бѣлою грудью, ржала изо всей силы, что всегда означаетъ близость какого нибудь злаго духа. Въшрь усиливался; колеблемый имъ проспникъ издавалъ печальный и пропяжный шопопъ. Женщины начинали уже поговаривать о возвращеніи домой; онѣ находили самыя уважипельныя причины: упреки мужей и братьевъ, совѣты о здравіи опцевъ своихъ и нѣкоторое шайное домашнее красворѣчіе, коему мы, цари міра и природы, рѣдко можемъ сопропивляться.

» Чшоже! кто изъ васъ сядеть предъ зеркаломъ? « вскричалъ Мюрландъ.

Никшо не опвѣчалъ.

» Какъ же вы малодушны! продолжалъ онъ. Дуновеніе въперка засшав-

ляешъ васъ дрожащъ подобно осино-
вому листу. — Я же, какъ вамъ из-
вѣстно, не хочу еще разъ женишься,
и, поелику мнѣ хочешся спать, и мои
вѣжды не закрывающа когда я же-
нашъ, по мнѣ не возможно начашъ га-
данія. Вы это чувствуете такъ же хо-
рошо, какъ и я. «

Наконецъ, поелику ни кто не хо-
пѣлъ взять зеркала, Мюрландъ по-
дошелъ къ нему.

Я подамъ вамъ примѣръ. «

Тогда онъ взялъ страшное стекло,
зажегъ свѣчу, и бодро произнесъ уроч-
ное заклинаніе:

» Явись же, моя суженая! «

Топчасъ за плечомъ Мюрланда по-
казалась голова съ блѣднымъ лицомъ
и рыжими волосами. Онъ содрогнул-
ся; оборотился, будучи увѣренъ, что
какая нибудь деревенская дѣвушка под-
шупила надъ нимъ, чшобы испугать
его; но ни кто не осмѣливался па-
радировать привидѣнія, и хотя зер-

кало разбилося о землю, упавъ изъ рукъ фермера; но всегда предспавлялись его взорамъ по же блѣдное лице, и по же огненные волосы.

Мюрландъ жалобно вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю. Любопышно было бы посмотришь, какъ начали тогда разбѣгаться во всѣ стороны обитатели деревни, подобно листьямъ, уносимымъ вѣтромъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ они недавно предавались всѣмъ сельскимъ удовольствіямъ, не оставалось ничего, кромѣ остатковъ празднества, полупопущаго костра, пустыхъ кружекъ и горшковъ, да Мюрланда, распротертаго на землѣ. Снопки и имъ подвластные духи возвратились шюлами, и гроза, гошова грянущъ въ воздухъ, смѣшавшись съ ихъ пропаяннымъ свиспомъ, составляла шюшъ шумъ, который Шотландцы шюль живописно обозначаютъ, называя его Sugh. Мюрландъ, вспавъ, еще разъ посмотрилъ вокругъ себя:

все по же лице! Оно улыбалось ему, но не произносило ни одного слова, и Мюрландъ не могъ рѣшительно опредѣлить: принадлежала ли эта голова человѣческому плъу; ибо она являясь ему только тогда, когда онъ оборачивался. Языкъ его оледенѣлъ и прильнулъ къ горшани. Онъ спарался завести разговоръ съ симъ адскимъ существомъ; но напрасно призывалъ все свое мужество: лишь только представлялось взорамъ его это блѣдное лице и эти огненные волосы, по лихорадочная дрожь пробѣгала по всему его плъу. Онъ началъ бѣжашь, надѣясь освободиться отъ своего Аколица. Онъ отвязалъ уже свою маленькую кобылу и, готовясь вспахать въ спреля ногу, сдѣлалъ послѣднюю попышку. О ужась! все та же голова, сдѣлавшаяся его неразлучною спупницею. Она прильнула къ плечу его, подобно нѣмъ мрачнымъ головамъ, коихъ изображеніе гопическіе скульпто-

ры набрасываютъ иногда на верху колонны, или на углу аншаблемена. Бѣдная Мегъ, фермерова кобыла, ржала ужасно, и частымъ ляганьемъ изъясляла участіе, принимаемое ею въ спрѣхъ бѣднаго своего хозяина. Спонки, (ибо должно бытъ, что преслѣдователь фермера былъ одинъ изъ обитаемыхъ Дунскаго проспника), всякій разъ, когда Мюрландъ оборачивался, вперялъ въ него два темно-голубыхъ, пылающихъ глаза, на кошорыхъ не рисовалось ни какой пѣвни; и ни какое вѣко не попомняло невыносимаго блеска оныхъ. Онъ погонялъ лошадь изо всѣхъ силъ; любопытство безпрестанно побуждало его узнавать: слѣдуетъ ли за нимъ злой духъ? Сей послѣдній не оставлялъ его, и напрасно пускалъ фермеръ свою кобылу во всю скачь; щепно исчезали и мелькали деревья и горы мимо коня,—Спонки все былъ за нимъ. Мюрландъ наконецъ не могъ уже распознать, ни

дороги, по какой онъ ѳдесть, ни того куда погонялъ бѣдную свою, Мегъ. Онъ имѣлъ только одну мысль — о Спонки, его сопупникѣ, или, лучше, его сопупницѣ, поелику въ этомъ женскомъ лицѣ выражалась вся злоба, соединенная съ пріятностію, приличныя молодой дѣвушкѣ восемнадцати лѣтъ.

Сводъ неба покрывался густыми тучами, кои поспешенно его пошемняли. Никогда бѣдный Мюрландъ не бывалъ брошенъ одинъ, посреди поля, въ подобной чертовской шемношѣ. Въспрьдуль, какъ будшо хопѣлъ разбудить мершвыхъ; косой дождь лилъ какъ изъ ведра. Безпрерывные отблески молніи йсчезали, пожираемые мрачными тучами, кои соединялись подъ ними, испуская продолжительный, глубокой и глухой ревъ. Бѣдный Мюрландъ! пвоя голубая Шошландская шляпа, обшитая красною каймою, спала съ головы пвоей, и ты не смѣлъ возвратишься, чтобы поднять се! Бу-

ря удвоила свою ярость; Дунь выступала изъ береговъ, и Мюрландъ, проскакавши цѣлый часъ, съ горестію увидѣлъ, что онъ возвратился къ тому же самому мѣсту, откуда выѣхалъ. Глазамъ его вновь представилась разрушенная часовня Кассилисская, и можно было подумать, что пожаръ обхватилъ остатки ея въспыхъ пиласпровъ; пламя вырывалось изъ всѣхъ отверстій; изваянія видѣлись во всей красотѣ своей, озаряемая блескомъ печальнаго сіянія. Мегъ оказывалась ипши далѣе; но фермеръ, коего поступками уже не руководствовало благоразуміе, и который, казалось, чувствовалъ, что ужасная голова гнѣпешъ его плечо, столь сильно вонзалъ шпоры въ бока бѣдной пвари, что она по неволѣ успупала силъ.

» Джокъ, сказалъ сладкозвучный гогось, женись на мнѣ, и тебѣ нѣчего будетъ болѣе бояться. «

Вообразите себѣ ужасъ несчастнаго Мюрланда!

» Женись на мнѣ! « повпорилъ Спонки.

Между тѣмъ они подѣхали къ пламеняющей церкви. Мюрландъ, оспавленный на пути разбитыми пилестрами и обломками камней, сошелъ съ лошади. Въ теченіе этой ночи выпилъ онъ сполько пива и водки, такъ много и чудесно спранспвовалъ, сполько испыталъ удивительнаго, что наконецъ привыкъ къ сему сверхъестественному приглашенію. Нашъ фермеръ твердо вошелъ въ безкровельный припворъ, въ которомъ блиспали сверхъестественные огни.

Зрѣлище, здѣсь поразившее его, было для него ново. Какое - то чудовище, сгорбившись, посреди припвора, поддерживало, на согнутой своей спинѣ, осьмиугольную вазу, въ коей пылало красное и зеленое пламя. Служи-

шель алшаря одѣшъ былъ въ спарую рясу каполическихъ священниковъ; демоны съ пламенными, дыбомъ поднявшимися волосами, спояли на жершвенникѣ, замѣняя собою свѣчи. Всякаго рода адскія и чудообразыя лица, какія когда либо изобрѣпало воображеніе Поэшовъ и живописцевъ, шѣснились, бѣгали, лепали, качались, возились и коверкались въ безконечномъ разнообразіи. Мѣспа монаховъ заняшы были важными лицами въ бѣлыхъ одеждахъ и изъ-подъ нихъ виднѣлись голыя кости скелесовъ, а въ впалыхъ глазахъ ихъ не было никакого выраженія.

Сорокъ лѣшихъ, взобравшись на спаринные хоры, на кошорыхъ нѣкогда находились органы эшой церкви, держали въ рукахъ различной величины духовые инспрумнты. Огромный черный кошъ, сидя на пронѣ изъ дюжины эшихъ лѣшихъ, означалъ шакпѣ продолжисельнымъ мяуканьемъ. Опъ ад-

ской симфоніи пряслись оспатки полуразрушенныхъ сводовъ, и опть времени до времени упадали обломки камней.—Посреди этого смятенія стояли на колѣняхъ хоропенькія Скельпіи: вы приняли бы ихъ за прелестныхъ дѣвъ, если бы демонскій хвостъ ихъ не приподнималъ бы кончика ихъ бѣлой одежды, и болѣе пятидесяти Спонкіевъ, съ распущенными или сложенными крыльями, танцовали или стояли смирно. Въ нишахъ были симметрически разставлены вокругъ алтаря открытые гробы, въ коихъ покойники въ бѣлыхъ саванахъ держали въ рукахъ погребальныя свѣчи.

Вы увидѣли бы здѣсь веревку висѣльника, ножъ убійцы, ужасные оспатки выкидышей и слѣды кровосмѣшенія. Вы увидѣли бы здѣсь почернѣвшія въ преступленіяхъ сердца злодѣевъ и бѣлые опеческіе волосы, висящіе еще на оспрѣѣ кинжала опцеубійцы. Мюрландъ оспановился и

отвратилъ свои взоры: сопутствовавшее ему лице все еще не оставило своего мѣста. Одинъ изъ бѣсовъ, исправляющій адскую службу, взялъ его за руку и Мюрландъ тому не противопивился. Его повели къ алтарю; онъ слѣдовалъ непрекословно. Силы его оставили. Спали всѣ на колѣни, и онъ сдѣлалъ поже. Пѣли странные гимны, онъ ничего не слыхалъ, и пребылъ удивленнымъ, окаменѣлымъ, проникнутымъ ужасомъ, ожидая своей участи. Между пѣмъ адское пѣніе сдѣлалось шумнѣе; Спонкіи панцовщики быспрѣе понеслись въ своихъ подземныхъ хороводахъ; духовые инструменты прещали, мычали, выли и свиспали съ новою силою. Мюрландъ поворопилъ снова голову, чтобы посмопрѣть на плечо свое, которое непріятный гость избралъ своимъ жилищемъ. —

» А! » вскричалъ онъ, испуская продолжительный вздохъ удовольствія.

Голова исчезла.

Но когда смущенные и блуждающіе взоры его вновь обратились на окружающіе его предметы, онъ весьма удивился, находя близъ себя споящую на гробъ, на колѣняхъ, молодую дѣвушку, коея лице совершенно было сходно съ преслѣдовавшимъ его привидѣніемъ. Маленькая Шопландская шемизетка, изъ тонкаго сѣраго холста, едва достигала до половины ея тѣла. Онъ увидѣлъ прелестную грудь, бѣлыя плечи, по коимъ висли бѣлокурые локоны, дѣвственныя груди, коихъ прелесть выказывала легкая одежда. Мюрландъ былъ пронупъ: эпѣ прелестныя и нѣжныя формы соспавляли совершенный контрастъ со всѣми, окружающими его, опшротивительными призраками. Скелетъ, совершавшій молебствіе, схватилъ своими острокогшестыми пальцами руку Мюрланда и соединилъ ее съ рукою молодой дѣвушки. Мюрланду по-

казалось, что въ пожатіи руки этой чудной невѣсты онъ чувствовалъ хладное ужаленіе, которое простой народъ приписываетъ спальнымъ когтямъ Спонкіевъ. Этого было слишкомъ много для него: онъ закрылъ глаза и упалъ въ обморокъ. Пришедши же немного въ память, онъ почувствовалъ, что адскія руки снова посадили его на вѣрную кобылу, которая ожидала его у церковныхъ дверей; но понятія его были темны, чувства неясны.

Можно вообразить себѣ, что эта ночь оставила слѣды на нашемъ фермерѣ; онъ проснулся, какъ просыпающійся опъ лешаргическаго усыпленія, и весьма удивился, узнавъ, что онъ нѣсколько дней какъ женился; что въ ночь Halloween, онъ отпралялся въ горы и оттуда привезъ съ собою молодую супругу, которая въ самомъ дѣлѣ лежала возлѣ него на наследственной постели его фермы.

Онъ прошеръ себѣ глаза, и думая, что видишь все это во снѣ, пожелалъ разсмотрѣшь шу, копорую избралъ, самъ о томъ не зная, и копорая сдѣлалась мисприсою Мюрландъ. Это было упромъ. Какъ она была хороша! какой шихій лучъ свѣта отражался въ ея пламенѣющихъ взорахъ! Однако Мюрландъ былъ пораженъ спраннымъ блескомъ, выходящимъ изъ очей ея. Онъ приблизился..... Спранное дѣло! жена его, по крайней мѣрѣ какъ онъ полагалъ, не имѣла вѣковъ; большіе темноглубые зрачки рисовались подъ чернымъ сводомъ бровей, прелесно извивающихся дугою. Мюрландъ вздохнулъ. Неясное воспоминаніе о Спонкѣ, о ночной поѣздкѣ и ужасномъ вѣнчаніи въ церкви, вдругъ пришло ему на умъ.

Разсмапривая ближе свою новую супругу, онъ полагалъ видѣшь въ ней всѣ характеристическія черпы сверхъ - еспешвеннаго еущества, его

преслѣдовавшаго; но только смягченныя и болѣе пріятныя. Пальцы молодой жены были тонки и длинны; ногти бѣлы и не много загнуты; бѣлокурые волосы доспавали до земли. Онъ оспался погруженнымъ въ глубокую думу: однако всѣ сосѣди говорили ему, что семейство его жены живетъ въ Гайландѣ; что пошчасъ послѣ свадьбы схватила его сильная горячка, и не удивительно, что все воспоминаніе объ обрядѣ изгладилось изъ его больного ума; но что онъ скоро спанешъ лучше обходиться съ своею женою, потому что она мила собою, смирна и хорошая хозяйка.

» Но у нея нѣтъ вѣковъ! » воскликнулъ Мюрландъ.

Всѣ смѣялись ему подъ носъ; упверждали, что горячка его еще не оставила; никто, кромѣ фермера, не замѣчалъ этого страннаго недоспашка.

Наступила ночь, для Мюрланда ночь брачная, ибо до этой минуши

былъ онъ мужемъ только по имени. Красота жены пронула его, не смотря на то, что, по его мнѣнію, она не имѣла вѣковъ. Онъ рѣшился побѣдить свой ужасъ, и покрайней мѣрѣ воспользоваться столь необыкновенною благосклонностію, оказанною ему неизвѣстно: небомъ ли или адомъ. —

Просимъ здѣсь читателей позволить намъ воспользоваться привилегіями повѣшовавшаго: умолчанъ о первыхъ происшествіяхъ этой ночи; мы не будемъ говорить, сколько прекрасная Спелли (іпакъ называлась новобрачная) казалась прелеснѣе въ своемъ ночномъ уборѣ.

Мюрландъ проснулся, ибо ему показалось, что яркій лучъ солнца освѣшилъ вдругъ низкую комнату, гдѣ стояла брачная постель. — Пробужденный симъ пылающимъ сіяніемъ, онъ вскакиваетъ въ испугѣ, и видитъ

блестящіе глаза своей жены, нѣжно на него обращенные.

» Чорпъ побори! воскликнулъ онъ, сонъ мой въ самомъ дѣлѣ есть обида ея прелестямъ! Попомъ онъ ободрился и наказывалъ Спелли тысячу прекрасныхъ и нѣжныхъ вещей, на кои дѣва горъ отвѣщивовала какъ умѣла.

До самага упра Спелли не засыпала.

» Да какъ ей и въ самомъ дѣлѣ спать? подумалъ Мюрландъ, у нея нѣтъ вѣковъ. »

И бѣдный умъ его снова впалъ въ бездну сомнѣній и опасеній. Солнце взошло. Мюрландъ былъ блѣденъ и печаленъ, глаза фермерши блиспали сильнѣе прежняго. Новобрачные провели упря въ прогулкахъ по берегу Дуна. Молодая жена была шакъ прекрасна, что мужъ ея, не смолря на горячку и ужасъ, коими онъ былъ

пораженъ, не могъ смотрѣть на нее безъ удивленія.

» Джокъ, сказала она, я васъ люблю сполько, сколько вы любили Тюльзію; всѣ, окреспныя молодыя дѣвушки завидуютъ мнѣ: но будьте осторожны, другъ мой я буду ревнива, я строго буду наблюдать за вами. «

Поцѣлуи Мюрманда прервали ея слова; между тѣмъ ночи слѣдовали одна за другою, и посреди каждой ночи блестящіе глаза Спелліи пробуждали опть сна фермера; силы его изнемогали.

» Но, моя милая, спросилъ Джокъ свою жену, развѣ ты никогда не спишь?

— Я стану спать!

— Да, спать! мнѣ кажется, чпо, со времени нашего брака, ты не спала ни минушы.

— Въ мой фамиліи никогда не спяшь »

Темнолазоревые глаза молодой женщины заблестали ярче.

» Она не спишь! воскликнулъ въ отчаяніи фермеръ, она не спишь! «

Обезсиленный и изнеможенный, упалъ онъ на изголовье.

» У нея нѣтъ вѣковъ, она не спишь ! повпорилъ онъ.

Мнѣ никогда не наскучишь смотреть на тебя, возразила Спелли, и я строго буду за тобою присматривать. «

Бѣдный Мюрландъ! прекрасные глаза его жены не давали ему покоя; но были, какъ выражаются Поэты, звѣзды, вѣчно-блестящія, единственно для его ослѣпленія. Въ Кантонѣ сочинили болѣе придцати балладъ въ честь прекрасныхъ очей Спелли. Что же касается до Мюрланда, то въ одинъ день онъ скрылся. Прошло при мѣсяца; мученія, преперпѣваемыя фермеромъ, истощили жизненные его силы; ему казалось, что ея

огненные взоры пожигаютъ его. Возвращался ли Мюрландъ съ поля, оспавался ли дома, шелъ ли въ церковь, всегда эпошь ужасный взоръ, коего блескъ проникалъ до глубины его бытія, заставлялъ его прешешать. Онъ наконецъ возненавидѣлъ солнце и началъ убѣгать дневнаго свѣша.

То же мученіе, кошорое прешерпѣвала бѣдная Тюльзія, досталось ему въ удѣлъ; вмѣсто мысленнаго безпокойсва, кошорое при первомъ его бракѣ, преобразило его въ палача молодой дѣвушки и кошорое люди называютъ ревностью, онъ подвергся вещественному и неопшврашпмому надзору очей, никогда не смыкающихся; эпо пакже была ревность, но ревность, перенесенная въ чувспвенный образъ. Онъ оспавилъ ферму и опечеспво переплылъ моря и углубился въ лѣса Сѣверной Америки, гдѣ многіе изъ его земляковъ основали свои жилища и

выстроили бѣдныя хижины. — Саванны рѣки Огіо доставляли ему, какъ онъ думалъ, безопасное жилище, и онъ предпочелъ бѣдную жизнь колониста, змѣю, запаившуюся въ густомъ кустарникѣ, пищу грубую, дикую и не всегда вѣрную, своему Шотландскому жилищу, въ которомъ ревнивое и всегда бодрствующее око блистало единственно для его мученія. Проведши годъ въ семь уединеніи, онъ благословлялъ свою судьбу; по крайней мѣрѣ находилъ онъ спокойствіе въ этой плодоносной странѣ. Онъ не имѣлъ никакого сношенія съ Великобританією, боясь узнать что нибудь о женѣ своей; иногда во снѣ видалъ онъ еще этѣ открытыя очи безъ вѣковъ и вскакивалъ въ просонкахъ; но въ этомъ заключалось все его мученіе; онъ увѣрился, что бдишельнаго и опаснаго ока нѣтъ больше съ нимъ, не проникало его и не пожирало сво-

имъ несноснымъ блескомъ, и онъ опять засыпалъ спокойно.

Нарраганзепшы, поколѣніе, живущее близъ его хижины, избрали Сахемомъ или начальникомъ Массасоа, хвораго, миролюбиваго старика, благосклонность коего скоро пріобрѣлъ Мюрландъ, угощая его водкою, копорую умѣлъ выгоняпъ. Массасоа сдѣлался боленъ; другъ его, Мюрландъ, пришелъ навѣстить его.

Представъте себѣ Индѣйскій вигвамъ: оспроковечную хижину, съ опверстіемъ наверху, для прохода дыму; въ срединѣ сего жалкаго дворца зажженный костеръ; на буйволовыхъ кожахъ, разоспанныхъ на землѣ, стараго больнаго Шефа; вокругъ него главныхъ Сагаморовъ, ревущихъ, кричащихъ, плачущихъ и производящихъ содомъ, копорый, вмѣсто излеченія больнаго, могъ бы и здороваго сдѣлать больнымъ. Одинъ Повамъ или Индѣйскій врачъ, управлялъ хоромъ и

шоржественными плясками; опголо-ски сосѣднихъ гѣръ пробудились опъ шума, производимаго сею странною церемонією: эпо были всенародныя мольбы, возсылаемыя къ божеспвамъ той земли.

Шесць молодыхъ дѣвиць занимались преніемъ обнаженныхъ и холодѣющихъ членовъ спарика; одна изъ нихъ, прекрасная собою, и не болѣе какъ шестнадцати лѣтъ, плакала, исполняя эпо дѣло. Здравый разумъ Шопландца потчасъ поспигъ, что весь эпотъ медицинскій обрядъ полько ускоритъ смерть спарика; будучи Европейцемъ и бѣлымъ, онъ слылъ между Американцами врачомъ опъ природы. Онъ воспользовался власпію, копорую доставляла ему эпа должность и, выгнавъ всѣхъ крикуновъ, приблизился къ Сахему.

» Кто подошелъ ко мнѣ? спросилъ спарикъ.

— Джокъ, бѣлый человекъ!

— Ахъ! отвѣчалъ Сахемъ, просягивая ему изсохшую руку, мы, Джокъ не увидимся болѣе! «

Джокъ, не смотря на то, что имѣлъ мало познаній въ Медицину, безъ труда замѣтилъ, что нашъ Сахемъ просто спрадалъ индигеспіею; онъ взялся его вылечить; приказалъ, чтобы вокругъ него было тихо; предписалъ ему діету; сварилъ для него превосходный Шопландскій декокшъ, который спарикъ выпилъ какъ лѣкарство. Короче, Массасоа въ три дни выздоровѣлъ; ревъ и вой Индейцевъ и пляски ихъ снова начались; но эшъ дѣкія пѣснопѣнія выражали одно удовольствіе и радость. Массасоа посадилъ Джока на свое почешное мѣсто; далъ ему курить изъ своего калюмета и представилъ ему дочь свою, Анаукешу—прекраснѣйшую изъ дѣвушекъ, видѣнныхъ Мюрландомъ въ хижинѣ.

» Ты не имѣешь squaw (1), сказалъ

1) Жена.

спарый воинъ; возьми мою дочь и уважай мою, покрытую сѣдинами, голову. »

Джокъ содрогнулся; онъ вспомнилъ Тюльзію и Спеллію; женишьяба была всегда для него неудачна, однакоже молодая squaw была тиха, простосердечна, послушна. Бракъ въ пустыняхъ совершается съ весьма немногими обрядами; мало гибельныхъ послѣдствій для Европейца. Джокъ рѣшился, и прелестная Анаукета не подавала ему никакого повода раскаяваться въ его выборѣ.

Въ одинъ день, осьмый, послѣ ихъ соединенія, оба они, въ прекрасное осеннее утро, поплыли по рѣкѣ Огіо. Джокъ взялъ съ собою охотничье ружье. Анаукета, привыкшая къ эскимъ походамъ, изъ коихъ соспоншъ вся жизнь дикихъ, помогала и прислуживала своему мужу. Погода была прекраснѣйшая; берега рѣки, открывали предъ супругами прелестнѣйшія мѣстополо-

ложенія. Охота Джока была удачна. Птица, съ блестящими перьями, представилась его взорамъ; онъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и птица, смертельно пораженная, упала, съ спенами, въ густой ракишникъ. Мюрландъ не хотѣлъ лишиться добычи, столь прекрасной; онъ причалилъ лодку къ берегу и побѣждалъ опыскивать свою жершву. Нѣсколько кусковъ обшарилъ онъ безъ всякой пользы. Шотландское упрямство заставляло его все болѣе и болѣе углубляясь въ лѣсъ, и онъ вскорѣ очутился въ самой чащѣ онаго, на зеленѣющей полянѣ, кои столь часто встрѣчаются въ лѣсахъ Америки; какъ вдругъ нѣчто свѣтлое мелькнуло между вѣтвями и поразило его взоры. Онъ содрогнулся: этакъ блескъ сожигалъ его; сей несносный свѣтъ принудилъ его пошупить глаза.

Явился *глазь безъ вѣка*, бдишельный и вѣчный.

Спелли переплыла моря; она опыскала слѣдъ своего мужа, и тихонько слѣдовала за нимъ; она сдержала свое слово, и опасная ревность ея обременила Мюрланда справедливыми упреками. Онъ побѣжалъ къ берегу, преслѣдуемый глазомъ безъ вѣка; достигнувъ ясныхъ и чистыхъ струй рѣки Огіо, и въ ужасѣ бросился въ оная.

Таковъ былъ конецъ Джока Мюрланда. Память о немъ сохранилась въ одной Шотландской легендѣ, и добрыя женщины толкуютъ оную по своему. Онъ ушверждающъ, что это есть Аллегорія, и что *глазъ безъ вѣка* есть всегда бодрствующее око ревливой женщины—самое ужаснѣйшее изъ мученій.

САРА ТАНЦОВЩИЦА.

САРА ТАНЦОВЩИЦА.

Нѣптъ! воскликнулъ однажды, въ вечеръ Субботы, Еврей Флейшманъ, ударивъ сильно кулакомъ по столу, на которомъ недавно оиъ ужиналъ; нѣптъ! никогда не потерплю я, чтобы дочь моя явилась на сцену забавляшь своими прыжками Берлинскихъ зѣвакъ! Танцовщица! Клянусь Авраамомъ! дочь моя танцовщица, когда на, нее сватается молодой Ааронъ, и когда она завтра можетъ сдѣлаться первѣйшею торговкою волосомъ во всемъ Мекленбургѣ!

— Объ этомъ я не спорю, возразила жена его; но что, если ей посчастливилось въ этомъ сословіи? Весьма хорошо можно жить здѣсь чест-

нымъ образомъ, хопя и не всѣ шаепральныя дамы могутъ похвалиться хорошею репутаціею.

» Молчи ты! перебилъ ее Флейшманъ; знаешь ли ты хопь одну танцовщицу, копорая не была бы наспоящею Вавилонянкою? Я скорѣе соглашусь, подобно нашему Великому Патриарху, самъ ее принести въ жертву, нежели позволить ей всунуть въ подобную жизнь. Дочь Флейшмана публичная плясунья!—

— Но, другъ мой, вѣдь Давидъ плясалъ же предъ Кивомомъ.

» Онъ плясалъ тамъ при поржественномъ случаѣ, чптобы воздать хвалу Господу, и пляска его ни въ какомъ отношеніи не подходила къ той, копорую наша Сара хочеть опправлять; эпто была пляска важная, мѣрная..... опвѣчалъ спарый Еврей.

— Чпто до эптого касается, мой другъ, ты не имѣешь ни какою поня-

пія. Книга Самуила, копорую Христіане называюць *Книгою Царей*, ничего не говориць объ опличіяхъ одной пляски опть другой. —

» Языкъ ада! воскликнулъ Флейшманъ, громоподобнымъ голосомъ, ужъ лучше взяла бы ты съ собою дочь свою и повела ее по улицамъ, какъ, я видѣлъ, дѣлали то честныя машери, когда я проѣзжалъ чрезъ Парижъ. » — Эпощъ сильный оппоръ заставилъ замолчашъ Г-жу Флейшманъ, копорая, не говоря болѣе ни слова, сняла со стола скашертъ, и болѣе не говорила ни слова, до пѣхъ поръ, пока напонила мужу, углубленному въ размышленія, что пора лечъ, ибо на башнѣ Святаго Кипріяна уже пробилло десять часовъ.

Три мѣсяца спустя послѣ этого разговора, зала большаго Берлинскаго театра была такъ полна народомъ, какъ давно не бывало, и въ одной изъ переднихъ ложъ, заняшой

Посланникомъ Французскимъ и однимъ изъ Секретарей Досольства, до поднятія занавѣса, происходилъ слѣдующій разговоръ:

» Имѣешь любовницею Еврейку, сказалъ молодой Секретарь, представлялъ я себѣ всегда въ мысляхъ идеаломъ блаженства; и если Ваше Превосходительство не примене ея къ себѣ, то я предполагаю непременно заняться дипломатикою, чтобы побѣдишь ея сердце. Сара! Милостивый Государь! чувствуеете ли вы, чѣмъ должна быть въ объятіяхъ любовника женщина, называющаяся Сарою ?

— Безъ сомнѣнія, возразилъ Посланникъ, при одномъ имени оживающъ воспоминанія о жизни Папріархальной, и если малюшка имѣешь хорошенькую ножку и прелестныя черты лица, то я услужу ей съ удовольствіемъ. Припомъ же Рипіенá примѣтно старѣешь. Я не знаю ничего въ свѣтѣ, чѣмъ можно бы на-

скуचितъ скорѣе, какъ конспръ-аль-
пію!

» Припомъ же, прибавилъ Секре-
тарь, даже самыя незначительныя
обстоятельства дебюта, придають
этой особѣ совершенно живописный
и пѣвнический видъ. Отецъ — ея,
Еврей, самыхъ строгихъ правилъ, ко-
торый скорѣе хотѣлъ выдать ее за-
мужъ за поргаша волосомъ, нежели ви-
дѣть Терпсихорою Германіи. Она
слѣдуетъ своему призванію. Предъ
вступленіемъ своимъ на сцену, она
разспоргла связь со всею своего фамі-
ліею, и я клянусь будущимъ моимъ
чиномъ Посла, что она позже пре-
взойдетъ всѣхъ знаменитыхъ танцов-
щицъ Христіанокъ.....

— Молчите! прервалъ его Послан-
никъ; я вижу шамъ внизу, въ креслахъ,
Испанскаго уполномоченаго, разговари-
вающего съ Тайнымъ Совѣшникомъ.
Дайте мнѣ разсмотрѣть ихъ; я по-

лагаю, что они что нибудь замышляюшъ.—

Спусти нѣсколько минушъ, занавѣсъ поднялся, и Нимфы и Амуры начали пѣсу, танцуя съ гирляндами, что заставляло подумашъ зрительей, будто въ самомъ дѣлѣ пляшутъ Нимфы, и Амуры съ гирляндами. Въ прерывей пѣсѣ появилась Сары. Она была высокая дѣвушка, съ черными волосами, прелесными формами тѣла и гибкими членами, какъ Сулямипянка въ книгѣ Соломоновой. Въ печеніи цѣлаго сполгнїя, можешъ бышъ, не появлялось на сценѣ большаго Театра ничего столь роскошнаго.

Въ ту минушъ, когда молодая дебюпаншка, долго убѣгая отъ преслѣдованїй Зефира, и наконецъ утомленная, упала въ его объятїя и позволила сорвашъ летучїй поцѣлуй, человекъ, въ одеждѣ коего не заключалось ничего мифологическаго, съ длинною бородою и широкополою

шляпою, стремительно вышелъ изъ-за кулисъ, подбѣжалъ къ Сарѣ, и ухватилъ ее за платье, которое смятъ и разодралъ. » Несчастливая! » вскричалъ онъ, » и такъ ни что не могло » остановить тебя? » тебѣ непременно » но хотѣлось осрамить себя предъ » цѣлымъ Берлиномъ! — Хорошо же: » и я, въ присутствіи всего Берлина, » проклинаю тебя!» повпорилъ онъ; и не смотря на то, что онъ вовсе не былъ комедіантомъ, никогда ошеческое проклятіе не производило такого впечатлѣнія.

При семъ ужасномъ явленіи Сарѣ сдѣлалось дурно; два солдата Королевской Гвардіи, появившіе за кулисами, схватили нарушителя порядка и пропоякали его со сцены, куда онъ, какъ отецъ въ опчаяніи, не имѣлъ свободнаго входа. Театральный Директоръ не могъ постигнуть гнѣва эшого человѣка, въ то время, когда онъ дочери его предложилъ условіе, кото-

рое, можетъ быть, было выгоднѣе всѣхъ, въ теченіе десяти лѣтъ заключенныхъ. Это непредвидѣнное происшествіе нѣсколько помѣшало намѣреніямъ Посланниковъ; всѣ женщины согласились въ томъ, что дебютаншка изрядна, но что она, вѣроятно, дочь погибшая и распутная, ежели причиняетъ столь почтенному опцу такую ужасную горестъ. Что же касается до партерныхъ зрителей, то они вначалѣ казались пронупыми этою сценою, но когда прошло ихъ первое движеніе; то они потребовали, чтобы имъ возвратили или деньги или танцовщицу, поелику въ афишкѣ не предупредили ихъ, что у нея сестъ отецъ, и они пришли смотрѣть на балетъ, а не на мѣщанскую драму; дѣла не иначе пошли бы, еслибъ было объявлено, что первый пепоръ вдругъ охрипъ, или что первый танцоръ повредилъ себѣ ногу.

Возвращаясь домой (нѣсколько времени не жили они вмѣстѣ), отецъ и дочь оба занемогли жестокою горячкою, копорая была слѣдствіемъ душевнаго расстройства, коему они подверглись. Но дочери было семнадцать лѣтъ, и жизнь ея едва только укрѣпилась; старому же отцу ея слабая природа давно уже угрожала разрушеніемъ. Онъ скоро умеръ. Его снесли на жидовское кладбище, лежащее за градскими вораши, на пути во Францію; такъ что, спустя два мѣсяца послѣ того, когда Сара проѣзжала по этой дорогѣ въ карепѣ Польша, то она не могла не вспомнить о старомъ Флейшманѣ и о его проклятіи.

Чудная вещь—опцовское проклятіе! Оно ни сила, по выраженію магемашиковъ, ни тѣло, ни вещество, ни матеріальная вещь, копорою бы можно было допронуться до человѣка, къ коему отнѣсятся три слова: Я

проклинаяю тебя; оно есть ничто иное, какъ выраженіе желанія ему несчастія. Но, не смотря на это, жизнь человека обыкновенно какъ бы увядаептъ опть проклятія; и рѣдко случается, чтобы кто нибудь жилъ счастливо имъ обремененный. Что же касается до Сары, то она, опть-ѣхавъ, не болѣе полумили опть кладбища, гдѣ, впрочемъ, не слышалось ни какого голоса, повторяющаго ана-ѣму опца, совершенно забыла объ ономъ. Она находила чрезвычайную прелесть въ томъ, что быстро капилась къ Парижу, гдѣ танцовщицы также знамениты, какъ нѣкогда въ Римѣ добродѣтель, и гордилась столько, сколько могла гордиться, поддерживая голову у уснувшаго Французскаго Посланника. Большіе черные глаза танцовщицы по временамъ встрѣчались съ глазами молодаго Секретаря, страстно любившаго дочерей Сіона, и взоры сіи множили его-

любовное помяненіе, которое поспигаешь путешественника, ѣдущаго въ спокойномъ берлинѣ, по гладкой дорогѣ, и когда никакая печальная мысль его не превозжишь, никакое потрясеніе его не пробуждаетъ изъ мечтательности, и онъ не спѣшитъ достигнуть цѣли своего странствія.

Посреди сего сладкаго упоенія, путешественникамъ кажется, что скорость движенія кареты удвоилась. Вскорѣ крики почталіона и все болѣе ускоряющееся движеніе колесъ доказываютъ имъ, что лошади понесли, и что они, по крайней мѣрѣ, подвергающія опасности бышь опрокинутыми. Если бы это случилось во Франціи, гдѣ, благодаря состоянію дорогъ, повозки нѣкоторымъ образомъ къ этому приспособлены, бѣда была бы гораздо незначительнѣе; но въ Германіи все дѣлается по совѣсти; и если сломается экипажъ, по рѣдکو бываешь, чтобы сидѣвшій въ

немъ опдѣлался однимъ испугомъ. И шеперешній случай не пресступилъ обыкновенныхъ законовъ: кареша, увлеченная лошадьми, скапнлась въ глубокой ровъ; посланникъ переломилъ одну ногу; у Секретаря вышибло половину зубовъ; молодая же Еврейка вышпщена была изъ рва въ жалоспнѣйшемъ состояннн, и опнесена въ ближайшую деревню. Тамошннй Хирургъ овладѣлъ ею, и подѣ предлогомъ, что хочетъ спасти ей жизнь, онъ изрѣзывалъ ея шѣло во всѣхъ направленихъ и причинялъ ей жесточайшня мучення. Въ продолженнн ночи, послѣдовавшей за эпою пыпкою, она впала въ бредъ, говорила о своемъ опцѣ, о Берлинѣ, о Парижѣ, о Дипломатикѣ, о *pas - de - deux*, а на упро испустила послѣднее дыханнн. Еще черезъ день, Сара танцовщица лежала въ землѣ, и гробовые черви принялись за свою работу.

Вошѣ всѣ ея похождения на этомъ

свѣтъ; оспается рассказать, что случилось съ нею въ другомъ.

Какъ скоро душа Сары разлучилась съ тѣломъ, то помчалась она по уединеннымъ и безконечнымъ странамъ, въ коихъ спрашивалась своего одиночества.

Наконецъ она предстала предъ своего судью, на котораго никогда не могла взглянуть безпререстно, и судъ начался надъ нею. Она осуждена была на вѣчныя муки.

Тотчасъ духи тьмы ринулись на нее съ ужаснымъ хохотомъ, и увлекая ее въ страны своей вѣчности, причиняли ей нестерпимыя муки, вырывая ее другъ у друга изъ рукъ, что бы узнать, кому доставленъ честь, представитъ ее своему знаменитому владыкѣ и царю.

Въ это время сидѣлъ Сапана во всей славѣ своей на эмблематическомъ престолѣ. Этого престола походилъ (прошу почтенныхъ чита-

пелей извинишь меня) на продыравленные кресла. Чело сапаны, желтое и мѣдновидное, непрерывно наморщивалось судорожно, и ропъ его, открываясь для улыбки, показывалъ въ безпредѣльной глубинѣ, два ряда бѣлыхъ зубовъ, кои имѣли большое сходство съ колоннадою древняго храма.

— Душа? спросилъ Сапана.

— Да, повелитель, отвѣчали его подданные.

— Душа, что дѣлала ты? спросилъ монархъ.

— Я плясала, отвѣчала она, и сполько плясала, что мой отецъ отъ этого умеръ, и Господь Богъ мой (при эщомъ имени Сапана сдѣлалъ страшную гримасу) послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты дѣлалъ со мной что за благоразсудишь!

Душа желала бы солгать, если бы это было возможно; но Вышній Судья повелѣлъ, чтобы она сама доносила

на себя, и сего опредѣленія невозможно было не исполнить.

Сатана, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, соблаговолилъ посовѣтоваться съ демонами, приведшими душу Сары, и спросилъ ихъ: » чпо намъ дѣлать съ нею? «

— » Повѣсимъ ее за ноги! « сказалъ первый; такимъ образомъ она будетъ наказана спраданиемъ шѣхъ членовъ, которыми она погрѣшила.

— Старина! сказалъ повелитель, и обратился къ другому.

— Я, сказалъ второй, предлагаю свою славную микстуру: вскипяченнаго масла одну бочку; порядочный пріемъ сѣры и свинца; все это смѣшать съ расплавленнымъ серебромъ и съ бронзою, и потомъ въ эту смѣсь попопить виновную.....

Но Сатана, хваптивъ этого совѣтника ногою, вскричалъ: » прочь, презрѣнный классикъ! съ своими старыми меподами. Мнѣ пришла въ го-

лову лучшая мысль;« и вставъ, чптобы топчасъ сдѣлать нужныя распоряженія, онъ приказалъ воздвигнуть, въ одномъ концѣ своего царства, огромный залъ, для спектакля, въ коемъ бы могли помѣститься нѣсколько сотъ тысячъ зрителей.

Не было сбережено ни живописи, ни позолоты, ни канделябровъ, ни люстръ, ни жирандолей. Въ оркестръ нарядили музыкантовъ съ перзующими слухъ трубами, съ ревущими кларнетами, съ чугунными липаврами, мычащими басами, и сверхъ всего этого, съ пискливыми флейшами.

Потомъ дали на одинъ часъ вѣчноспи опдыхъ кошламъ и сковородамъ, и проклятые высшаго сословія приглашены: сдѣлать честь своимъ присутствіемъ открытію королевско-адской академіи.

Какъ искусны эти испязатели! Они вручаютъ женщинамъ—женщинамъ, кои, съ шѣхъ поръ, какъ го-

ряпъ въ вѣчной гееннѣ, почши забыли о радостяхъ земныхъ, и прекрасныя цвѣпныя шляпы, украшенныя цвѣтами и перьями, и шали и шелковыя и апласныя плашья, и драгоценныя мѣха, чптобы вскорѣ попомът лишипъ ихъ опяпъ сихъ вещей и низвергнушь снова въ бездну мукъ и несчастій, опнявъ у нихъ минушное ушѣшеніе, и обновивъ лишь въ нихъ воспоминаніе о прошекшихъ радостяхъ. За дамами, во впоромъ ярусѣ ложъ, въ важнаго покроя плашѣ и хитро обвязанной косынкѣ, сядящя Министры, Банкиры, Дипломаты и дилеттанты. Съ позолоченными рогами, съ вилою въ рукѣ, важно и гордо, подобно сержанту Народной Гвардіи, сшоипъ у всякаго входа демонъ.

Наконецъ въ остававшуюся дополь пустою, богато обипую ложу, входипъ Сашана, сопровождаемый своимъ шшапомъ и г-жею смерпю, царицею адскихъ королевствъ, зем-

ли, міра и другихъ окружныхъ спранъ; пошчасъ по приходъ его началось представленіе, коего мы подробно описати не можемъ. Однакоже скажемъ, что двумъ пьесамъ громко рукоплескали.

Завязка одной изъ нихъ произвела большое удовольствіе.

Наконецъ начался балетъ.

Многіе танцовщицы, одна послѣ другой, являлись, чтобы соперничествовать между собою въ пріемахъ, прелестныхъ положеніяхъ и шлодвиженіяхъ. При всякомъ ловкомъ па, при всякомъ смѣломъ пируэтѣ ихъ самъ царь подавалъ знакъ, и громъ рукоплесканій оглашалъ залу; но когда дошла очередь до Сары, то онъ показывалъ (ибо въ этомъ соспояло намѣреніе его) видъ холоднаго равнодушія, которое раздѣляли съ нимъ и прочіе зрители. Тщепно упопребляла бѣдная дѣвушка всѣ свои силы; убійственная тишина царствовала

до конца ея пляски, и возвращаясь за кулисы, откуда соперницы видѣли ея неудачу, она впала въ сильное нервное разслабленіе. Тогда Сапана, желавшій сдѣлать эпопѣю опытно, удосповѣрился, что величайшее мученіе для души арписки, есть первенство ея соперницъ.

Удосповѣрившись въ превосходствѣ эпого новаго средства мученія, и имѣя занятія, слишкомъ важныя для того, чтобы оставаться до конца представленія, онъ вспалъ и поспасъ спржа выгнала изъ залы плѣшми всю честную компанію.

Съ эпого времени въ опустѣлой залѣ, въ которой слабый свѣтъ ночника едва разсѣваетъ густой мракъ, бѣдная Сара, въ ушахъ которой все еще раздается шумъ рукоплесканій, распоченныхъ ея соперницамъ зрителями, танцуетъ безъ отдыха, не смотря на то, что нѣтъ ни оркестра для означенія такта, ни оче

для созерцанія ея красоны и преле-
стей, ни Французскаго Посланника,
чпобы прельститься ею и изъявить
ей свое удивленіе.

ПАДЕРМСКІЙ МОНАХЪ.

ПАЛЕРМСКІЙ МОНАХЪ.

Пріятно провести вечеръ въ Палермъ, на берегу шумящаго моря, при угасающихъ лучахъ лѣшняго солнца, между жипелями эшаго города, жеманными и въспренними, кошорые, не смотря на ихъ оригинальность, мѣнѣе извѣсны, нежели классическія поколѣнія Аббатовъ, публичныхъ красавиць и Неаполипанскихъ Лаззароновъ. Благодаря Романамъ и Театру, Неаполь успарѣлъ для меня: онъ мнѣ опрошивѣлъ ошъ слишкомъ часшыхъ изображеній шамошняго неба и моря, полныхъ очарованія. Сицилія еще нова и неизвѣсна; въ ней опсвѣчиваются и Аравія и Испанія. Около васъ возвышающіяся спѣны, воздвигнушыя Сарацинами; Испанскіе косшюмы мелькають въ окнахъ и бли-

спаюють по набережнѣмъ—очарованіе комичекое и вмѣстѣ фантастическое!

Вы вдыхаете въ себя воздухъ чистый ; волненіе навѣваетъ ароматы вмѣстѣ съ прохладою ; пѣснь отдаленнаго наснуха имѣетъ пѣчню дикое и нѣжное ! Вы дышите только запахомъ цвѣтовъ ; вспрѣчаете одни мраморные памятники и развалины храмовъ . Не менѣе можете служить опривкомъ спранный комедіи эта Ариснокрапія , въ лохмотьяхъ и въ позолоченныхъ вешошкахъ : этъ прелестныя , подобныя древнимъ Сиракузянкамъ , женщины , одѣшыя по старой модѣ , какъ одѣвались за 40 лѣтъ тому назадъ . Далѣе , среди пѣвцовъ и гуляющихъ , жирный монахъ , который топчуетъ васъ черепомъ , придѣланнымъ къ концу чернаго креста , и улыбаясь , проситъ у васъ милосердыни . Тамъ капляшя по *Маринь* (*)

(*) Маринною иазывается Палермская набережная .

открышыя коляски, усаженныя веселыми Аббашиами, кои прохлаждають себя перьями, душащяся, курящя шабакъ и попягивають шербець. Возлѣ Аббаповъ сядящя Принцы, подавленные пияжесцію своихъ пипуловъ и скукою, ошживающіе свою вѣковую славу въ совершенной безвѣсности и нищепѣ. Одни изъ нихъ занимаются набожноспію, другіе предаются распушешву; нѣкошорыми же овладѣваетъ спраспѣ къ художествамъ. Я зналъ одного Палермскаго Принца, который разорился необыкновеннымъ образомъ: ему вырубали изъ мрамора бушылки въ придцатѣ фушовъ вышиною; просширанный дворъ дома его уставленъ былъ шахмашными фигурами колоссальнаго размѣра; у него былъ Полишинель, подобный Апланшу, сосшавленный изъ агашовъ и ониксовъ; посреди парка спояла, въ видѣ пирамиды, длинная шуповская палка, выпоченая изъ эбеноваго де-

рева. Всѣ эѣ выдумки разорили Князя де *** и онѣ окончилѣ жизнь въ богадѣльнѣ. Вопѣ къ чему вседѣ праздность при богатствѣ и глупости!

Вы! владѣющіе искусствомъ представляющіе все въ живописномъ видѣ, друзья мои, дайте намѣ описаніе смяшенія на Маринѣ; воскресите шумъ народа безпечнаго, которыи наслаждается жизнью; представьте намѣ эѣ воздушные поцѣлуи, раздающіеся со всѣхъ сторонѣ; эѣ *доброе утро! добрый вечер!* перелепающіе изъ кареты въ карету, и колоколь *Ангелуса*, гудящій подѣ темно-синимъ сводомъ Палермскаго неба—прекрасная и испинно прельщающая картина! Еѣ весьма мало удивлялись, и еще рѣже ее описывали. Нынѣ въ модѣ ѣздить въ Римѣ и Неаполь; Сицилія еще не сдѣлалась цѣлю путешественниковъ.

Я удивлялся этому зрѣлищу и опер-

ся, чшобы лучше онымъ насладишься, о низкую, украшеную маленькими Сарацинскими плястрами, спѣну, идущую по берегу моря и представляющую успалымъ пупникамъ длинную и спокойную мраморную скамью, упопреляемую съ давнихъ временъ. Я сѣлъ на эту скамью. Морскою вѣперъ развѣвалъ мои волосы; движущаяся шолпа проходила мимо меня.

Одинъ длиннородый Капуцинъ занялъ мѣсто возлѣ меня. Онъ имѣлъ видъ спрадальческій; наружность его выражала болѣе печали и просносердечія, нежели благочеснїя и униженїя. Ему, казалось, было около пятидесяти лѣтъ, и его можно было почесть за опспавнаго воина. Физиономїя его была не Сицилійская. Кромѣ судорожной подвижности мускуловъ, она была во всемъ холодна, спрога и рѣшишельна. Вы навѣрно встрѣчали въ своей жизни людей, съ шѣми счастливыми черпами лица,

копорья возбуждаютъ довѣріе; вы невольно влечешесь къ сей незнакомой фізіономіи; и хопя нѣтъ въ ней ни красоты, ни пріятности, вы думаете: » Онъ подвергался спраданіямъ; онъ проши, оставивъ послѣ себя слѣды, не встрѣшивъ ни желѣзнаго шѣла, ни каменной души, а существо слабое, нѣжное; борьба была ужасна! И вопъ это существо—оно не погибло; приблизимся, чпобы оцупанъ оставшки. Это шопъ, въ коемъ происходила борьба: онъ былъ мѣспомъ дѣйсствія, жершвою и борцомъ. «

Я хопѣлъ завести разговоръ съ Капуциномъ, и спросилъ: копорый часть? Онъ приспально посмопрѣлъ на меня, и узнавъ, вѣрояшно, по моему произношенію, чпо я въ Палермѣ чужой, опвѣчалъ мнѣ по Англійски.

» Восемь часовъ. «

Попомъ онъ вспалъ и ушелъ.

Я знаю Англійскій языкъ: произношеніе Капуцина было совершенно

національное и чисто Британское; я не могъ ошибиться. Но какимъ случаемъ попался эпитопъ Англичанинъ въ Палермо? Англичанинъ въ Сициліи и въ одеждѣ Капуцина! Здѣсь скрывалась какая нибудь тайна, которую мнѣ хотѣлось вывѣдать. На завтра пришелъ я опять къ тому же мѣсту, въ надеждѣ найсти его шамъ и—не ошибся. Въ слѣдующіе за нѣмъ дни случалось тоже самое. Мало по малу смягчался его злобный, скрыпный нравъ; я говорилъ съ нимъ по-Англійски; эшо насъ сблизило. Замѣшивъ, что я желаю съ нимъ познакомиться, онъ безъ пруда на эшо согласился; онъ былъ образованъ и, какъ видно было, пріобрѣлъ довольно большую опытность въ познаніи людей и вещей. Двѣ недѣли спустя послѣ первой нашей встрѣчи, онъ разсказалъ мнѣ испорію своей жизни.

Нытъ ничего прогашельнѣе пещинной гореспи, которая сама себя

обвиняешь, осуждаешь и не стараешься быть замѣченною. Голосъ монаха былъ твердъ, глаза его не омочались слезами, но видно было, что сохранять это спокойствіе—многого ему стоило. Онъ рассказывалъ исторію своего несчастія, какъ храбрый инвалидъ рассказываетъ о кампаніи, въ которую онъ лишился какого нибудь члена. Разговоръ не касался эшаго предмета, и онъ не говорилъ мнѣ еще ни о своихъ предкахъ, ни о своихъ несчастіяхъ, когда я спросилъ его, давно ли онъ носитъ это одѣяніе.

» Не судите обо мнѣ по одеждѣ,— вы меня не знаете, отвѣчалъ онъ. Я вступилъ въ монастырь, какъ въ мѣсто мира и уединенія; а это одѣяніе избралъ, какъ эгиду, прошиву жизни и ея мученій; я не принадлежу къ Ордену Святаго Франциска. Монахи сей страны—сословіе людей, о коихъ говорятъ много худаго — удивительно чловѣколюбивы; они

дозволяють мнѣ носить ихъ одежду и раздѣлять съ ними жизнь, не принуждая меня при томъ согласоваться съ ихъ успавами; они перпяють и даже любяють меня. Я Пропешаняють. Да не удивитъ это васъ: мы, Французскіе и Англійскіе Философы, не знаемъ, сколько ума и просвѣщенія заключается въ Италіанскихъ и Испанскихъ монастыряхъ. Никогда монахи не подвергаютъ меня скукѣ какого нибудь богословскаго пренія; я живу съ ними спокойно.»

При семъ послѣднемъ словѣ онъ ошановился, медилъ и не смѣлъ произнести: *живу счастливо*. Мрачныя мечты пошемнили это умное чело; печальныя размышленія сго превожили. Онъ хранилъ нѣсколько минуть молчаніе, оперся обривою своею головою на руку, и сказалъ:

» Я изъ Графства Герфордскаго. Когда наша армія возвратилась изъ Александрии, тогда шранспортное су-

дно, на коемъ находился я, съ нѣсколькими другими офицерами, было неспособно держаться долѣе на морѣ, и мы пустились къ Мессинѣ. Изнеможенные безчисленными неудобствами воспочной жизни, ошврашишельныхъ жилищъ Кипра и жишья корабельнаго, мы вышли на берегъ, и вешупили въ карантинъ, кошорый нашлн удобно и хорошо усшросеннымъ. Вы знаете, что такое карантинъ : гадкїй, квадратный дворъ, съ кладбищемъ посрединѣ. Тамъ находишься, ошлученный опъ живыхъ существъ, безъ сообщенїя съ землею, и не имѣешь другаго ушъшенїя, кроме надежды—скоро выйши опшшуда Мои поварищи шертъливо сносили свое положенїе. Англїйскїе журналы, имъ доставляемые, давали пищу ихъ любопытшшву и веселости. Они играли, пѣли; я былъ печаленъ, и не понималъ причины сей печали. Невыразимое предчувствїе угнѣпало ме-

ня; въ нашихъ журналахъ не находилъ я ничего, чшобы относилось ко мнѣ или къ друзьямъ моимъ; журналы были безплодны, какъ море, съ его печальными волнами, какъ желшья опврашительныя спѣны, меня окружающія. Товарищи мои надо мною смѣялись; я не зналъ, что имъ отвѣчать. Наконецъ карантинъ нашъ окончился.»

» Вамъ, безъ сомнѣнія, знакомо расположеніе Мессинскихъ театровъ: они раздѣлены на скамейки, гдѣ всякій садится на мѣсто, назначаемое ему случайностію, шакъ что три или чепыре ряда зрителей отдѣляютъ иногда васъ отъ своихъ. — Эпо же самое случилось со мною въ самый вечеръ моего освобожденія. Всѣ ложи были полны; мы, съ поварищами, помѣстились въ паршеръ, гдѣ были принуждены разсѣсться весьма далеко отъ другаго. Во время антракта, нѣсколько Сицилійцевъ, сидящихъ подлѣ ме-

ня, вспали, а мѣсто ихъ заняли другіе Англійскіе офицеры, сопровождаемые молодымъ человѣкомъ, въ шпашскомъ плащѣ. — Они говорили весьма громко, и я узналъ, что послѣдній изъ нихъ въ эпошѣ самый вечеръ пріѣхалъ на пакетботѣ въ Месинну.

» Онъ былъ мужчина средняго роста, съ голубыми глазами, со внимательнымъ взглядомъ, чтобы не сказать съ дерзкимъ, — истинный Англичанинъ новой школы. Эта секша была тогда еще нова для меня. Кариръ и Александрія не представили мнѣ ничего подобнаго, а посему разсматривалъ я его съ любопытствомъ и слушалъ со вниманіемъ. Офицеръ, къ которому онъ относился, и который казался весьма дружнымъ съ нимъ, былъ его соученикомъ въ Эпонской Коллегіи. Галсрукъ новопришедшаго сполько сжималъ его шею, круглыя щеки его имѣли шакой прекрасный шафранный цвѣтъ, его спрогій видъ

имѣлъ споль смѣшной контрастѣ съ веселостію словъ его, что я забылъ о спектаклѣ, и только слушалъ его и на него смотрѣлъ. Со мною много кое-чего приключилось, любезный другъ — сказалъ онъ своему поварицу — со времени нашей разлуки въ Эпону. Ты, любезный, конечно расскажешь мнѣ: много ли ты посѣпилъ новыхъ городовъ, и во сколькоихъ сраженіяхъ былъ ты: это должно быть весьма любопытно; я же, въ замѣну того скажу тебѣ, сколько я умиралъ на охотѣ лошадей и сколько опчаянныхъ мужей посылали меня къ чорпу! Списокъ ихъ, клянусь! предлинень, и я тебя не избавлю отъ прощенія его. Приводишь же меня сего дня въ Мессину и принуждаешь быть въ театрѣ, шумѣ, произведенный моею послѣднею любовною шалостію. Я имѣлъ связь съ женщиною замужнею, прекрасною, пронырливою, коея хитрость превосходила

все совершеннѣйшее въ семь родѣ во всей Франціи и Испаніи. Ты согласишься, что я не могу называть ее. Все заставляло насъ быть благо-разумными; и что же! не смотря на нашу оспорожность, насъ обличили. Одна женщина, пракпирщица на Башкой дорогѣ, которую я нѣкогда благоволилъ осчастливить своими ласками, грозила, что откроетъ все. Это, во всякомъ случаѣ, было бы опасно: дама эта имѣла родственниковъ, которые не любили щупить; а наши судьи дорого заставляютъ расплачиваться за неудачныя любовныя связи.—Деньгами купилъ я молчаніе пракпирщицы, и вопль я въ Мессинѣ, гдѣ располагаюсь оспашься нѣсколько времени вдали отъ нея, чѣмъ надѣюсь спасти ея доброе имя.»

» Этого разговора въ началѣ не сдѣлалъ на меня большаго впечатлѣнія. Я замѣтилъ только двѣ вещи: холодную испорченность нрава моло-

даго въпренника и развратъ его со-
участницы. Я возвратился домой.
На столъ моему находилъ пакетъ
съ журналами и письмами. Я узналъ
руку моей жены и поспѣшилъ расце-
чашать письмо. Нельзя быть привя-
заннымъ къ любовницѣ, къ сестрѣ,
къ супругѣ, узами сладчайшими пѣхъ,
кои связывали меня съ Марією. Со
времени нашего супружества, Марія
не причинила мнѣ ни одной горест-
ной минуты. Молодая дѣвушка, вос-
питанная въ одномъ изъ самыхъ ди-
кихъ Графствъ Англіи, принадлежа
къ знаменитѣйшей благородной фа-
миліи, она соединяла съ прелестію
и аристократическимъ достоинст-
вомъ, столь рѣдкое волшебство про-
гапельнѣйшаго простодушія.»

Капуцинъ всталъ; — солнце захо-
дило; мы направили шаги свои къ
его монастырю. Онъ ввелъ меня въ
свою келью, и между пѣмъ, какъ

ночь начинала помрачать всё предметы, онъ продолжалъ свой рассказъ:

» Въ письмѣ своемъ, жена моя напоминала о поѣздкѣ въ Батъ и о поспѣшномъ возвращеніи въ Лондонъ, причиною чему была болѣзнь ея матери. Я узнавалъ въ сихъ спирокахъ, исполненныхъ чувствительности, всю прелесть ея души, и почивалъ себя счастливымъ шѣмъ, что нашелъ такую супругу, когда, гошовый схвативъ пакетъ съ журналами, мнѣ пришла въ голову преспранная мысль. Слово: Батъ, столь часно повшоряемое въ разговорѣ молодымъ Денди, упоминалось также въ письмѣ жены моей; это сближеніе поразило умъ мой ужасомъ. Это не было ни сомнѣніе, ни подозрѣніе, а неопредѣленная, опдаленная и плачевная извѣспность. Тоска, возбуждаемая ревностью, овладѣла моимъ сердцемъ, и я задрожалъ какъ листъ. Я припоминалъ себѣ всю жизнь моей жены, ея любовь къ сво-

имъ обязанностямъ , проспья , но глубокія ея чувства, и обвинялъ самаго себя : но я не могъ избѣгнуть сего мученія. Казалось, что между ея добродѣтелью и моимъ довѣріемъ, помѣшился какой нибудь злобный духъ - исполинъ , который спарался помрачить чистоту ея и повергнуть меня въ глубокій мракъ неизвѣстности.

» Какъ описанъ вамъ, государь мой, это мученіе ревности , основанной на самомъ безъ основательномъ предположеніи, обуявшее меня въ чужой землѣ, безъ всякой возможности узнать истину? Всѣ мои размышленія были тщетны; ядовитое жало вонзилось въ мою грудь, я не могъ его извлечь изъ оной. Ужасъ , при мысли о невѣрности жены, вездѣ меня преслѣдовалъ. Я вспавалъ, ходилъ по комнатамъ , и не прежде полуночи началъ успокоиваться, вдыхая въ себя благорасшворенный воздухъ Сици-

лійской ночи. Портретъ Маріи находился въ моей поршфели; я открылъ ее; разсматривалъ это изображеніе, представляющееся чистымъ, непорочнымъ: то были черты самаго цѣломудрія, и выраженіе ихъ, казалось, упрекало меня въ моихъ обидныхъ подозрѣніяхъ и жаловалось на мою недовѣрчивость. — Чувство горестное и пожигающее, подобное угрызенію совѣсти, овладѣло мною: я былъ готовъ просить прощенія у портрета. Потомъ я успокоился, и зажегши снова свою лампаду, которую вѣтръ потушилъ; я взялъ пакетъ съ журналами, на который доселѣ не обращалъ вниманія. —

» Пробѣжавъ разсѣянно нѣсколько полипическихъ и липшературныхъ списей, я началъ читать по опредѣленіе нашихъ публичныхъ листовъ, въ которомъ, подъ рубрикою *Городскихъ и Придворныхъ слуховъ*, смѣло рассказываютъ всѣ соблазни-

пельныя происшествія, слышанныя въ госпинныхъ и въ павернахъ. — Вдругъ привлекла мое вниманіе особенная спашья, и я прочелъ ее нѣсколько разъ, съ ужасомъ, кошораго вы себѣ не можете предспавипь:

» Нынѣ вездѣ только и разговариваютъ о дѣпской любви прекрасной молодой Мисприссы Ос. вдругъ оставившей всѣ забавы Бапа и уѣхавшей къ своей больной мапери. Говорятъ, что добрая слава этой дочери находилса въ такомъ же немоцномъ соспоянїи, какъ здоровье ея мапери. «

» Я выронилъ изъ рукъ журналъ. Имя мое Оспрей. Начальныя буквы, кои упопребилъ журналиспъ, были именно пѣ, съ коихъ начинались имена мое и моей жены. «

» Если бы двадцать ядеръ вдругъ поразили и расперзали мою грудь, то и тогда я не перенесъ бы большаго мученія. Этѣ спроки утверди-

ли мои подозрѣнія и разлили смер-
 щельный ядъ по моему шѣлу. Я не бу-
 ду спарашься описывать соспожня,
 въ которое меня повергло это извѣс-
 шіе; между шѣмъ время проходило, и на
 часахъ ближняго монастыря ударило
 чешыре. Я машинально схватилъ слѣ-
 дующій номеръ того же журнала, гдѣ,
 подъ шюю же рубрикою, о коей я гово-
 рилъ находился слѣдующій параграфъ:

» Соблазнительные и несправедли-
 вые слухи, распущенные на счешъ
 Ладн О и ея фамиліи, совер-
 шенно опровержены особами достои-
 ными върояпія. «

» Я долго размышлялъ объ эпѣхъ
 словахъ; но увидѣлъ въ нихъ не до-
 казательство невинности обвиня-
 емой дамы, но только удачный оп-
 вѣшъ и неоспоримое доказательство,
 что честь ея погублена дѣйствит-
 щельно. При шомъ, развѣ Денди не
 повпорялъ о порочной изобрѣша-
 щельности любовницы своей, о ея

способности хишришь, дабы ушаишь опшь другихъ разврапшь свой; о ея безпримѣрной ловкости и вѣроломствѣ. Чѣмъ' болѣе размышлялъ я, тѣмъ болѣе опасенія мои увеличивались,—мозгъ мой воспалился. Несносное мученіе! Около упра бросился я на посшель, гдѣ оспался распроспершымъ и плачуцимъ. То жена моя появлялась мнѣ, подобно безпорочному Ангелу первой любви, то подобно опшврапипельному чудовищу. Мысли мои волновались; я не зналъ на чемъ оспановишься, не зналъ: иппили пребованшь опщеса у челоувѣка, коего слова возбудили въ груди моей сѣрапшную бурю?—Слово Бапшь — раздавалось въ ухахъ моихъ подобно пѣнію похоронному.»

» Въ одиннадцатъ часовъ опшправился я, куда глаза глядяпшь, и скоро, почпи машинально, направилъ я шаги къ Бенедиктинскому монаспырю, гдѣ жилъ челоувѣкъ, кошораго за-

мѣшилъ я во время прежняго моего пребыванія въ Мессинѣ. Отецъ Ансельмъ, такъ называея эпонъ монахъ — былъ мужъ рѣдкой проницательности.

» Не думайте, чшобы подробное познаніе челоуѣческаго сердца принадлежало исключительно свѣпскимъ людямъ : уединеніе насъ научаетъ. Монахъ, одаренный наблюдательнымъ духомъ, лучше знаетъ сердца людей, нежели сколько когда либо можете знать ихъ угодики гостинныхъ и бударовъ. Сей послѣдній развлекается; его проницательность исчезаетъ съ плоской поверхности его наблюдений, и мелочной умъ его привязывается къ ничтожностямъ. Опшельникъ же, если онъ имѣетъ здравый разумъ, проникаетъ въ необъятную глубину; открываетъ неизвѣстныя другимъ людямъ опношенія; изучаетъ свѣпъ, не видя его ; опгадываетъ тайны сердца; постигаетъ небо и адъ и,

въ своей кельѣ, доходить до познанія всего, измѣняющаго земный шаръ; онъ Рожеръ Баконъ, открывающій паровую машину и кругообращеніе крови; онъ Абельяръ или Оккамъ, предвѣстникъ Скептицизма Вольфенбухенбургскаго. Пустынничество даетъ пищу гению: келья колыбель его. Развѣ вы думаете, что Іезуиты, поколебавшіе свѣтъ и возмущавшіе сердца Королей, приобрѣли въ шумѣ общества свой гений, столь опасный и разнообразный? тамъ, въ уединеніи, предъ небомъ, удаленные отъ возмущительныхъ мыслей, кои удаляютъ насъ отъ самихъ себя, возраспаютъ и процвѣтаютъ всѣ добрые и худыя замыслы.

» Опець Ансельмъ, родомъ Венеціанецъ, былъ живой образецъ оспроумія и свѣтскихъ поносовъ, что было удивительно въ монастырскомъ жителѣ.

» Я имѣлъ къ нему большую довѣ-

ренность, и, какъ кажется онъ поже меня любилъ. Сицилійскіе священники, какъ вамъ извѣстно, составляютъ особенный классъ. Ерепичество не успрашаетъ ихъ. Часто говорилъ мнѣ онецъ Ансельмъ:

» Вы, Англичане, народъ великій, и Богъ вѣрно не захочетъ проклясть, подобныхъ вамъ, Ерепиковъ: «

» Я рассказалъ ему все, что меня тревожило, не скрывъ ни малѣйшей подробности изъ моей жизни, ни одной изъ мелочей, которыя вамъ передалъ. Онъ спокойно выслушалъ меня, и потомъ отвѣчалъ:

—» Ступайте теперь домой; а сегодня, послѣ вечера, приходите въ монастырь. Можетъ быть, буду я тогда въ состояніи подать вамъ какойнибудь совѣтъ.

» Я заперся въ своей комнатѣ. Товарищей моихъ не было дома; они, переводимые однимъ чичероне, посѣщали развалины, коими усѣяна сія

часть Сициліи. Я былъ счастливъ, что могъ оспашься одинъ въ моей комнатѣ и предаваться печальнымъ мечтамъ моимъ. Съ неперпѣніемъ ожидалъ я часа свиданія. День склонялся къ вечеру; у воротъ монастыря, съ Ансельмомъ бесѣдовалъ одинъ монахъ, изъ Ордена Нищей Брагніи; когда они меня увидѣли, то взоры ихъ, казалось, оспановились на мнѣ съ выраженіемъ сожалѣнія. Въ Сициліи, какъ и во всей прочей Италіи, тайная полиція находилась въ рукахъ духовенства. Не знаю, говорилъ ли опецъ Ансельмъ съ эпимъ монахомъ о томъ, что меня сполько занимало; но когда топъ ушелъ, тогда онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

» Пойдемъ.

» Видъ его былъ величественнѣе прошивъ обыкновеннаго. Мы вошли въ церковь; никого въ ней не было. Какъ прекрасны наши Сицилійскія церкви, гдѣ красоны воспочнаго москепа со-

единены съ красками западнаго католицизма! Вы, безъ сомнѣнiя, любите эштъ, выложенныя изъ мрамора, мозаики, эштъ иконы, написанныя яркими красками, эпо смѣшенiе свѣта и тѣни, эпи многочисленныя памятники; ээирное небо, проглядывающее сквозь зазубрины и крестообразныя прорѣзы высокихъ сводовъ; вы любите, вѣроятно, золото и багряницу, блистающiя въ часовняхъ, и изрѣченiя Корана, кои сохранились еще подъ закопѣлымъ, ошъ дыму свѣчей, корнизомъ? Не смотря на это великолѣпiе, вокругъ меня, въ уединенiи храма сего, царствовала мертвая пишина, копорая спѣснила мое дыханiе, налегла на меня подобно свинцовому покрову, и какъ будто говорила мнѣ спраспямъ: *умолкните!*

» Опець Ансельмъ повелъ меня въ глубину церкви; остановился за главнымъ алтаремъ, и шамъ сказалъ мнѣ:

» Сынъ мой, хопя мы и различна-

го вѣроисповѣданія съ побою, но преклони здѣсь колѣна. Я священникъ и спарець. Ты просишь моихъ совѣщевъ, какъ опъ чловѣка и паспыря, ты преклонишь колѣна не предомною, но предъ Богомъ—карапелемъ и спасителемъ нашимъ. Мы помолимся вмѣстѣ.

» Я, въ смущеніи, повиновался ему, и дѣлалъ все, что онъ мнѣ говорилъ. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ моливъ, сказалъ онъ мнѣ:

— » Твои подозрѣнія основательны

» Тяжкій вздохъ вырвался изъ груди моей, и я ничего не могъ опвѣщивовать.

— » Потѣжай въ Англію; но прежде напиши къ женѣ своей, не показывая вида, будто знаешь что нибудь; спупай чрезъ Бавъ, гдѣ жившъ женщина, коея молчаніе купили; получивъ плашу для того, что бы молчалъ, она тебѣ расскажетъ все, если ты ей дашь болѣе. Ничто

да не измѣнишь своего намѣренія, покуда свои сомнѣнія не подтвердятся; когдажь ты узнаешь всю истину, тогда поступай какъ честный человекъ: или предай виновную угрызеніямъ совѣсти, или возврапи свою любовь вѣрной супругѣ.

» Въ эту минушу вошло въ церковь нѣсколько особъ; мы спояли шакъ, что я могъ видѣть ихъ, не будучи самъ замѣченъ ими.

— » Это онъ! вскричалъ я.

» Въ самомъ дѣлѣ, молодой Англичанинъ, называвшійся Сиромъ Ормондомъ Мондевилемъ, вошелъ въ церковь въ сопровожденіи одного своего пріятели. Неудивительно было, что, будучи еще недавно въ Мессинѣ, онъ успѣшилъ посѣпить внутренность сего достопримѣчательнаго храма, одного изъ самыхъ живописныхъ и достоинныхъ замѣчанія спроенй въ сей странѣ. Отець Ансельмъ замѣпилъ мое движеніе и удержалъ меня.

— » Я гораздо спокойнѣе тебя, сказалъ онъ мнѣ; я поговорю съ нимъ; ты же долженъ молчать. Монахъ поклонился Сиру Ормонду, и показалъ ему прекрасную древнюю бронзовую спашую, поставленную по правую сторону главнаго алтаря. Я старался завести разговоръ съ однимъ изъ находящихся здѣсь офицеровъ. Не знаю, что такое я ему сказалъ; но не въ состояніи будучи связать двухъ словъ или двухъ мыслей, я увѣренъ, что онъ меня почелъ за дурака или за безумнаго.

» Ансельмъ выражался съ легкоспію, съ пріятствомъ; его вѣжливость съ Сиромъ Ормондомъ меня удивляла. Не смотря на состояніе нервной раздражительности, въ коемъ я находился, я былъ пораженъ странностію его поведенія. Мнѣ казалось, что онъ принялся за испытаніе; хладнокровіе его сообщилося мнѣ, и меня проникло; я послѣдовалъ за

Ансельмомъ въ молчаніи, и спалъ гораздо спокойнѣе, разсудительнѣе и внимательнѣе.

» Я сообщилъ этому монаху подробнѣйшія свѣдѣнія, копорыхъ онъ опть меня прѣбывалъ о моей женѣ, о ея характерѣ, о чертахъ ея лица, о звукѣ ея голоса, о цвѣтѣ волосъ, формахъ ея лица, о выраженіи его и о физіономіи. Онъ съ живостію разговаривалъ съ Сиромъ Ормондомъ, и, оспанавливая его вниманіе на изображеніяхъ Святыхъ Отцевъ, находящихся въ церкви, пользуясь свободою Италіянскою: обсуживать эштъ произведенія живописи, выводить заключенія изъ ихъ меланхолической или спирогой наружности и узнавалъ мнѣніе молодого чловѣка о достоинствѣ ихъ. Когда Сиръ Ормондъ говорилъ, то пронцапельный взоръ Ансельма проникалъ въ душу говорящаго; но мой землякъ оспавался спокойнымъ и равнодушнымъ, и все эпо

метафизическое испытаніе созерцательной пронцапельности и умственной инквизиціи послужило только къ тому, что открыло намъ сердце холодное, чувсва испорченныя, ложный вкусъ въ искусстввахъ и сердце, неспособное ни къ какой благородной снраспи. Тщешно сшарался Ансельмъ исчерпываць все по, изъ чего можно заключаць о чувсвованіяхъ и желаніяхъ нѣжныхъ и благородныхъ въ сердцѣ человѣческомъ: ни что не прогало молодого денди. Порою открывалъ онъ легкій и безразборчивый эпикуризмъ, смѣшанный съ самолюбіемъ глупца; потомъ, не зная, что онъ въ рукахъ чужаго человѣка, оставилъ ключъ къ жалкому сокровищу его тайныхъ помышлений: онъ поблагодарилъ Ансельма за его снисходительность и ушелъ.

— » Видише, каковъ эшопъ человекъ, сказалъ мнѣ монахъ; женщина, усшупившая его просьбамъ, не до-

стойна сожалѣнія; ибо его не укоряетъ совѣсть. Интрига, копорую онъ вамъ прошивъ желанія ввѣрилъ, есть ничто иное, какъ дурачешво молодого человѣка; если, къ несчастію, ваша жена виновна, по вы должны забыть ее навсегда.

— » Она умретъ! сказалъ я ему.

» Онъ строго посмопрѣлъ на меня.

» Такой прощупокъ не достоинъ вашего гнѣва и освобождаетъ васъ отъ всякой привязанности къ ней. Испытаніе, обличившее характеръ молодого человѣка, несомнѣнно; онъ не любилъ, онъ нелюбимъ и не любитъ. Истинная любовь, если даже не раздѣляетъ оной, оспавляетъ впечатлѣніе на любимой особѣ. Повѣрь мнѣ, сынъ мой, эти люди погрѣшили, не обидѣвъ себя. Въ случаѣ, если пресупленіе, въ копоромъ пы подозреваете жену свою, дѣйствитель-но совершилось, благословляй небо: оно освобождаетъ себя отъ особы,

которая, рано или поздно, все бы тебя обманула.

Эти слова Ансельма казались мнѣ пророчесствомъ; я не старался ихъ понимать или исполковать. Я нуждался въ пупеводителѣ, и пошому слѣдовалъ за нимъ безъ размышленія.

Но стараніе, истребить образъ Маріи изъ своего сердца, было безуспѣшно; я не могъ шакъ внезапно искоренить моей первой и единственной любви. Все напоминало мнѣ ея красоту, ея просердечіе, благочестіе, особливо ту образованную нравственность, которая шакъ мало приличесвовала грубому заблужденію и неизвѣспному увлеченію любовницы Сира Ормонда. За начальнымъ моимъ испуленіемъ послѣдовала шихая и крошкая горесиль. Ахъ! сколь ужасны были въ то время мои мученія, и сколь горестна была для меня потеря единственного ушѣшенія,

лучшей поддержки, нѣжнѣйшей любви и всей надежды моей жизни!

» Чрезъ два дня отправился я въ Англію, и тотчасъ по прибытіи въ Фальмутъ, поѣхалъ въ Батъ. Здѣсь-то оспались слѣды пресупленія и здѣсь искалъ я единственныхъ извѣстій, кои получить я могъ надѣясь. Вотъ уже я у гостиницы, означенной Сиромъ Ормондомъ. Я вхожу—все мое тѣло трясется отъ страха. Женщина среднихъ лѣтъ и довольно хорошая, приходитъ ко мнѣ—это сама трактирщица. Мнѣ подають чаю. Подъ предлогомъ, что я давно уже оставилъ Англію и теперь желаю узнать нѣкоторыя подробности, относящіяся къ состоянію моей родины, прошу я служанку, чтобы она спросила у своей хозяйки, не угодно ли ей будетъ выпить со мною чашку чаю?

» Я достигъ евоей цѣли и говорилъ съ пою, кою извѣстна была не-

счастливая тайна. Она вошла ко мнѣ въ комнату, и рѣчи мои показались ей столь странными, что она невольно пришла въ изумленіе. Я былъ слишкомъ занятъ единственнѣйшимъ, обращающимъ на себя мое вниманіе, предметомъ, чтобы слова мои не были шемны и смѣшаны. Я переходилъ отъ одного предмета къ другому, и тщетно старался дать своему разговору порядокъ и нужную послѣдовательность, чтобы внушить хозяйкѣ довѣренность. Когда я увидѣлъ, что удивленные взоры ея остановились на мнѣ, то я сказалъ:

» Извините, сударыня; я вижу, что вы замѣчаете мое безпокойство; мнѣ должно объяснить глубокую печаль, ужасныя подозрѣнія: я подозреваю обожаемую мною женщину въ измѣнѣ; горестъ, въ коей я нахожусь, изображается во всѣхъ моихъ разговорахъ.

Я замѣтилъ, что ея женское серд-

це соболѣзновало моей печали, и что я словами своими подспрекнулъ ея любопытство.

— » Увы! продолжалъ я, самое мѣсто, въ коемъ я теперь нахожусь, еще болѣе увеличиваетъ мое безпокойство. Если вѣришь еоблазну, слухъ о комъ достигъ до меня въ чужой землѣ, то въ Батъ именно составила инприга, приводящая меня въ опчаяніе.

» По мѣрѣ того, какъ я продолжалъ говорить, я втайнѣ наблюдалъ за тѣлодвиженіями пракширщицы, коея безпокойство и смущеніе увеличивались во время моего разсказа.

— » Мнѣ недовольно знакомъ городъ Батъ, продолжалъ я спокойно, чтобы я могъ собрать надлежащія свѣдѣнія о предметѣ, ужасно меня безпокоющемъ. Я знаю только, что человекъ — виновникъ моего безчестія—есть Сиръ Ормондъ Мондевилъ.

» Хозяйка побѣднѣла; я показывалъ видъ, что не замѣчаю этого.

— » Я служилъ въ чужой землѣ; жена моя и ея машь пріѣзжали на нѣсколько времени въ Бапъ. Воптъ, сударыня, какъ мнѣ описали мое по-срамленіе и несчастіе: Сиръ Ормондъ ожидалъ ихъ въ одной госшинницѣ въ Бапѣ или въ его окрестностяхъ.....

» Хозяйка, державшая въ рукѣ чашку чаю, задрожала и разлила чай по столу. Молодая женщина, кто бы ни была она, подъ предлогомъ сильнаго недуга, попросила отдѣльной комнаты. Посреди ночи, хозяйка, слыша шумъ въ комнатѣ этой женщины, входитъ туда: тамъ находился Сиръ Ормондъ Мондевилъ; онъ предложилъ практирщицѣ сто фунтовъ стерлинговъ, и она обѣщалась ему хранить молчаніе.

» Я думалъ, что хозяйкѣ сдѣлается дурно.

» Извѣстія, полученныя мною опъ

опца Ансельма, были такъ опредѣленны, я показывалъ споль совершенное невѣденіе о важной роли, которую играла въ эпомъ приключеніи хозяйка шрактира; наконецъ я такъ хорошо зналъ все, что она была принуждена признапья, что все это есть истинная правда и что шрактирь ея былъ мѣспомъ, гдѣ совершилось пресупленіе. Я не хотѣлъ распроспраняпья болѣе и уѣхалъ назавтра въ Лондонъ, не объявивъ даже хозяйкѣ своего имени. Мнѣ оставалась слабая и послѣдняя надежда: что, можетъ быть, ошиблись въ лицѣ; это было единспвенное средство, которое могло оправдать Марію и возвращить мнѣ счастье. Вообразите, съ какимъ біеніемъ сердца спупилъ я на порогъ роднаго дома!

Марія, увидя меня, бросилась въ мои объпнія, съ изъясненіемъ радости, которое меня сначала пронуло; но попомъ, гогда я вспомнилъ о ея

просипукъ, но мнѣ казалось, что я чувствую ужасеніе змѣи, и я голповъ былъ оптолкнушь ее; но—удержался. Съ какимъ материнскимъ восхищеніемъ описывала она мнѣ красоту нашихъ дѣшей, ихъ дѣшскія прелести и свои надежды! Какъ спрадалъ я, государь мой, опъ всего того, что, безъ этого непріятнаго обстоятельства, сдѣлало бы меня совершенно счастливымъ! Всякое біеніе пульса было для меня новымъ мученіемъ; каждое слово ея меня поражало. Она плакала, увлекаемая радоспію о моемъ возвращеніи, а такъ какъ я разсмапривалъ ее съ мрачнымъ видомъ, то и казалось мнѣ, что я опкрываю спранный опблескъ въ глазахъ ея; исключая энопъ признакъ, все въ ней дышало нѣжностію и безпорочностію. Я же видѣлъ въ энопъ только обманъ и хитроспъ. Она подвела ко мнѣ дѣшей своихъ съ любовію и материнскимъ шоржествомъ

невозможно было сохранить, видя ее, и пѣни подозрѣнія; но она отворопшилась! я ее подсперегъ и видѣлъ, какъ она поспѣшно оперла слезы, пекущія изъ очей ея. Это для меня было слѣдомъ угрызенія совѣсти, невольно ей измѣняющей, свидѣтельство тайной муки, наносимой раскажаніемъ эпой душъ, не совсѣмъ еще испорченной.

» Я не знаю, замѣнила ли жена моя мученіе, которое я претерпѣвалъ; послѣ минушы смущенія и молчанія, я вдругъ рѣшился.

— » Ошведите дѣшей въ ихъ комнашу.

» Ихъ увели, я молчалъ. Марія оппустила ихъ, не говоря ни слова, не приласкавъ ихъ; ея молчаніе совершенно меня убѣдило. Когда дверь заперли, тогда посмошрѣлъ я на нее: она была блѣдна, обращала на меня блуждающіе свои взоры и осшавалась безмолвною.

— » Сударыня, благоволиште отвѣ-
чать мнѣ на нѣкоторыя вопросы.

» Она молчала.

— » Когда познакомились вы съ Си-
ромъ Ормондомъ Мондевилемъ?

» Нѣтъ отвѣта.

— » Не въ путешествіе ли ваше
изъ Лондона въ Башъ?

» Тоже молчаніе.

— » Отвѣщайте же мнѣ, не-
счастливая! я бы отдалъ все на свѣтъ,
чтобы избавить васъ отъ поноше-
нія, васъ покрывающаго. Отвѣп-
ствуйте!

» При сихъ словахъ я вспалъ; она
вспала также; просперла ко мнѣ
свои объятія, попомъ судорожно за-
хохотала; это было движеніе столь
ужасное, столь прощивное для взо-
ровъ и слуха, и сопровождалось столь
громкимъ восклицаніемъ, что вы со-
дрогнулись бы, и, вспоминая о томъ
я еще теперь прихожу въ пренепъ.
Попомъ она разсматривала меня нѣ-

сколько времени съ поржеспвеннымъ видомъ и упала безъ чувствъ. Я велѣлъ слугамъ перенести ее въ ея комнату. Оспапокъ нѣжноспи говорилъ мнѣ за нее; я имѣлъ о ней всевозможныя попеченія, и какъ скоро она пришла въ себя, я вышелъ и отправился къ опцу ея. Онъ есть одинъ изъ почтеннѣйшихъ спарцевъ Англійскаго Перства, человекъ холодный, извѣстной честности и рѣдкаго благоразумія. Я былъ шакъ распроганъ, что, когда его увидѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ моихъ.

» Его спокойствіе удивило меня. Оно было совершенно противоположно моему смущенію и, казалось, упрекало меня въ малодушіи. Съ видомъ оспорожнымъ и церемоніальнымъ спросилъ онъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Англію; давно ли я шамъ и долго ли намѣренъ въ ней оспашься. Я былъ увѣренъ, что онъ уже знаетъ о проспупкѣ дочери, и что

его спокойствіе есть шолько средство къ усстраненію упрековъ, кои я ему вѣроятно сдѣлаю. Правда, я видалъ его всегда спокойнымъ, разсудительнымъ, и враги его выдавали скрытнось его въ поступкахъ за ариспокрапическую гордосць и спѣсь. Но, вспревоженный, я почиталъ это спокойствіе насмѣшкою надо мною. Я вооружился мужесствомъ; слезы мои изсякли, и я, въ свою очередь, голосомъ спокойнымъ и пвердымъ, разсказалъ приключеніе въ Мессинѣ и посѣщеніе Бапа. Я не скрылъ опть него никакихъ подробностей, ни чпенія несчастнаго журнала, ни совѣщанья опца Ансельма, ни разговора моего съ пракпирщицею.

» Онъ слушалъ меня въ молчаніи. Дочь его казалась изумленною, а онъ— шолько внимательнымъ. Нѣсколько разъ прошелъ онъ по своему кабинету съ видомъ размышляющаго, часто поднося руку ко лбу, но не показы-

вая никакого распрройства ни въ словахъ ни въ поступкахъ.

— » Это не невозможно , сказалъ онъ попомъ, скреспивъ руки и оспановившись предо мною.

» Онъ былъ характера пвердаго, во всѣхъ обспояпельспвахъ совершенно власпвующаго надъ собою, и выражался всегда коротко , скрывая большую часть своихъ мыслей. Однако онъ продолжалъ:

— » То, что вы говорите, кажется мнѣ весьма спраннымъ ; но мы увидимъ.

» Слеза омочила его рѣсницы ; онъ поспѣшно оперъ ее. Гореспь сего почшеннаго человѣка, двойное мученіе гордоспи и опщовской любви, эта слеза, извлеченная у спарца, всегда спокойнаго и умѣющаго владѣтъ собою, попірясла меня до глубины души. Я вспалъ поспѣшно. Все, казалось, подшверждало мои подозрѣнія.

— » Я скоро уѣзжаю, сказалъ я ему;

отъ нынѣшняго дня до моего отъѣзда буду я жить въ домѣ моей матери, куда привезу съ и дѣтей моихъ.

» Вы не упустите времени, государь мой, и весьма поспѣшны: припомъ же, я буду у васъ въ шеченіе сего дня.

» Мы распались холодно. Я рѣшился, сколько можно поспѣшнѣе, принять надлежащія мѣры, для ускоренія развода; ибо болѣе не сомнѣвался въ справедливости моихъ подозрѣній. Если и не доставало законныхъ свидѣтелей сего проступка, то всѣ нравственные доказательстваспеклись для подтвержденія онаго. Ужасъ Маріи, долгое молчаніе ея отца, смущеніе и признаніе шракширщицы, пагубныя начальныя буквы, употребленныя журналистомъ, отъѣзда въ Батъ, о коей упоминали, и молодой денди и жена моя въ письмѣ своемъ и сама шракширщица. Голова моя пылала и шѣло мое дрожа-

ло, когда я пришелъ къ моей матери. Ласки моихъ друзей, за которыми я послалъ, не прогнали меня. Машушки моей, которую уведомили о состояніи, въ какомъ находилась жена моя и о моемъ послѣшномъ отъѣздѣ, не было дома. Я узналъ послѣ, что она была у меня; но въ первую минуту отсутствіе ея меня удивило. Не спашится - ли она, подумалъ я, увидѣвъ сына несчастнымъ, и не упрекаетъ ли она себя въ томъ, что не отвратила моей горести строгими совѣтами и внимательнымъ надзоромъ? Увы! я былъ несправедливъ и забывалъ, что первымъ дѣломъ матери есть утѣшеніе несчастнаго сына.

» Я бросился на софу, и съ шоскою ожидалъ ее. Въ минуту, когда я всталъ, чтобы отыскать мать свою, она вошла, и спустя нѣсколько минутъ, доложили о пріѣздѣ Лорда

Борндаля — опца Маріи. Машушка только успѣла сказать:

— » Я была у тебя въ домѣ: жена швоя опсправилась, неизвѣстно куда, въ наемной карешѣ.

»Лордъ Борндаль также былъ у меня дома; видъ его выражалъ рѣшишельность и горестъ.

— » Я обдумалъ, милоспивый государь, сказалъ онъ, обращай ко мнѣ, все, что вы мнѣ рассказали; не спанемъ опсваживаать своего спокойствія и счастья. Все это можетъ быть заблужденіемъ. Сядемъ въ почшовую карешу и опыщемъ пощчасъ пу женщину, которая не проведетъ насъ. Мы заплашимъ ей; но съ шѣмъ, чтобы она все объяснила намъ подробно. Поѣдемъ!

» Руки его сжимались судорожно. Я взялъ свою шляпу: мы опсправились, и во все время ѣзды не произнесли ни одного слова. Мы въ пошѣ

же вечеръ прибыли довольно рано въ вышеупомянутый пракширъ.

» Представьте себѣ удивленіе, или, лучше сказать, негодованіе мое, когда я увидѣлъ Марію въ залѣ! Она пріѣхала, чтобы увѣришься въ скромности хозяйки, и уже одно ея присушествіе въ этомъ мѣстѣ было доказательствомъ ея проступка.

— » Вы здѣсь, сударыня! сказалъ я ей; какимъ образомъ попали вы сюда? зачѣмъ? Кто вамъ сказалъ, что я былъ здѣсь? . . . Не надѣйшесь

» Она прервала меня, дернувъ сильно за шнурокъ колокольчика; хозяйка вошла. Марія хотѣла говорить, но я велѣлъ ей молчать, и сказалъ пракширицѣ:

— » Не проводила ли Ладн Осрей въ вашей гостиницѣ одной ночи вмѣстѣ съ Сиромъ Мондевилемъ?

» Хозяйка поблѣднѣла и оставалась въ нерѣшимости.

— » Не вы ли сами говорили мнѣ это? продолжалъ я; не правда ли? отвѣчайте!

— » Точно такъ, милоспивый государь. «

— » Отвѣчайте! какъ звали эту женщину? «

— » Вы сейчасъ произнесли ея имя. «

— » Лади Оспрей? «

— » Да. «

— » Я поговорю съ нею, сказала прерывистымъ голосомъ Марія, которая, будучи съ малолѣтства подвержена сильнымъ біеніямъ сердца, приложила руку къ сердцу и на силу могла произнести эти слова. Она вспала, дрожа, и, посмопрѣвъ на трактирщицу, спросила ее:

— » Я ли эта Лади Оспрей? «

— » Хозяйка помолчала съ минушу, и казалась въ нерѣшимости; но наконецъ она сказала:

— » Нѣтъ, сударыня.

— » Марія! эти уловки не прове-

душъ меня; эшо бесполезная хип-рость. Много-ли дами вы эшой женщиной? Сиръ Ормондъ Мондевиля зацашилъ ей сопию гиней.

» Марія взглянула на меня. Хозяйка, при имени Сира Ормонда Мондевиля, содрогнулась, и я обратился къ Лорду Борндаю.

— » Думаеете - ли вы , что можно слишкомъ дорого заплашишь эшой женщиной, чтобы узнать истину ?

— » Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

» Сила его духа была побѣждена.

— » Марія , сказалъ онъ , ты , которую я воспитывалъ , которую любилъ! возможно ли?... отвѣчай! уже ли ты предалась этому человѣку?

— » И вы не убѣдились! воскликнула Марія; хорошо же! вошь, чего я требую: поѣдемъше въ Бапъ. Исполните эшо желаніе мое; нужно, чтобы эша женщина поѣхала съ нами. А вы, бапюшка, примите меня подъ вашу защиту.

» Видѣ ея показывалъ, что говорить ей стоило много труда.

— » Такъ и быть, согласимся, сказать Лордъ Борндаль, а тамъ увидимъ.

» Тракнирщица сперва отказывалась соупрствовашъ намъ; но Марія сказала ей повелипельнымъ голосомъ и съ душевною силою, которая меня удивила:

— » Ты должна! «

» Впезаная перемѣна, происшедшая съ Марією, огорчила меня. Ужели это та благородная и слабая женщина принимаетъ теперь положеніе смѣлое и тонъ, вовсе ей неприличный? Мы отпировались.

» Лордъ Борндаль съ дочерью сидѣли въ одной почтовой каретѣ, я съ тракнирщицею въ другой. Три раза должно было останавливаться, для подачи помощи Маріѣ, обмороки которой насъ печаливали; тракнирщица казалась весьма распроганною

и почти не въ состояніи была отвѣчать на мои вопросы.

» Когда мы вышли изъ кареты, по Марія показывала видъ, будто меня совсѣмъ не замѣчаетъ. Какая - по твердая рѣшимость ее одушевляла. Пріѣхавъ въ Башъ, она приказала почталіону ѣхать въ улицу Пульшней, копорую описала очень ясно. Наши коляски остановились подлѣ одного дома; Марія вошла первая, постучалась, сказала слугѣ, чшобы онъ попросилъ свою госпожу выйши къ нимъ на минушу, и сдѣлала знакъ, чшобы мы за нею слѣдовали. Мы всѣ стояли въ пріемной комнапѣ этого незнакомаго дома, когда хозяйка явилась къ намъ. Едва только вошла она къ намъ, какъ практирщица, выступая твердо впередъ и смѣло посмопрѣвъ на нее, вскричала:

— » Вотъ Лади Оспрей!

» Дама поблѣднѣла, опступила на-

задъ, и, казалось, не узнавала пракпирщицы.

— » Вы ошиблись, сказала она, я Лади Гипспонъ.

— » Нѣшъ, нѣшъ! вскричала пракпирщица поспѣшно и громко, вы сами объявили мнѣ ваше имя въ ту ночь, когда прѣехали въ мою гостиницу съ Лордомъ Мондевилемъ и когда я васъ нечаянно заспала съ нимъ. Это та молодая дама, прибавила она, указывая на Марію, которой во время этого изъясненія сдѣлался обморокъ, которая также у меня квартировала, которая видѣла васъ и даже кланялась съ вами въ то утро, когда вы уѣхали съ Сиромъ Мондевилемъ.

— » Тутъ есть какая нибудь ошибка, отвѣчала Лади Гипспонъ; что же изъ этого слѣдуетъ?

» Я приблизился къ Лади Гипспонъ, прося Лорда Борндаля имѣть попеченіе о его дочери.

— » Сиръ Ормондъ, котораго я

имѣлъ удовольствіе видѣть въ Мессинѣ, сказалъ я дамѣ, по справедливости хвалилъ вашу полишку и ловкость; однако сегодня будущъ онѣ безуспѣшны. Возвращише Лади Оспрей честь и доброе имя.

» Она бросилась на софу, и, закрывъ руками лицо, воскликнула:

— » Какъ! вы видѣли его въ Мессинѣ?

— » Оставимъ эту женщину, сказалъ мрачнымъ голосомъ Лордъ Борндаль, который не могъ возвращишь дочери своей упребленіе чувствъ.

» Мы опяшь посадили ее въ почтовую карету, умирающую, почти бездыханную, неспособную наслаждаться радостью, которую долженствовало ей доставишь столь явное доказательство ея невинности.

» Увы, что мнѣ сказашь вамъ болѣе? она была больна цѣлыхъ два мѣсяца; она простила меня и умерла отъ скопленія крови на сердцѣ, при-

чиненномъ множествомъ ударовъ судьбы, и опъ множества незаслуженныхъ обидъ.

» Опець, негодуя на меня, объявилъ, что никогда болѣе не хочетъ видѣть меня. Я имѣлъ несчастіе лишиться обѣихъ дѣшей. Мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать въ свѣшѣ; я возврапился въ Сицилію, гдѣ надѣялся встрѣпить еще разъ Сира Мондевиля, и хотѣлъ опмститиъ ему за всѣ несчастія, навлеченныя на меня его поспупками и за безчеспное упопрбленіе чужаго имени, чѣмъ погубилъ онъ добрую славу моей жены, но онъ отпрапился въ Индію съ порученіями опъ правительсва. Опець Ансельмъ доспавилъ мнѣ случай къ всшупленію въ монастырь, гдѣ шеперь имѣю я убѣжище. Но, гдѣ ни жишь, для меня все равно! Только ненависть и мщеніе приваываюптъ меня къ жизни и упѣшаюптъ среди горесшей и несчастій! Я имѣю

отвращеніе ошъ свѣпскихъ обычаевъ, которые обрекають меня на горестъ. Ахъ, супружество, супружество! вопшь чпо значить имѣшь жену, любить ее, почипать ее своею и припомъ безпрестанно за нее опасаться, находиться въ сомнѣніи: не получаешь ли другой того, чпо законъ присудилъ получать намъ, и въ чемъ сердце жены намъ можетъ отказать; охраняшь и лелѣяшь для наслажданій другаго эшъ сущесва нѣжныя, слабыя, коихъ мы можемъ погубить излишнею любовію!

МОГИЛА СКУПАГО.

МОГИЛА СКУПАГО.

А. ПУШКИНЪ.

Мѣсто дѣйствія: деревня близъ Бадаіоза; кладбище. — Сель часовъ вечера.

Дѣйствующія лица:

ГАРСІАСЬ, могильщикъ.

ХОЗЕ, работникъ его.

Х О З Е.

Хозяинъ! да долго ли еще будемъ мы копать? Вошь мы уже два дни копаемъ и вырыли яму только въ десяць фушовъ! Да поможешь мнѣ Свяпый Яковъ Галиційскій! Уфъ! успаль!...

ГАРСІАСЬ.

Имѣй не много шерпѣнія, дружокъ, ты за прудъ свой будешь вознагражденъ: ну, ну, работай, Хозе, рабо-

шай! Надобно доспавашь деньги, сынъ мой! Намъ оспаеся выбросишь еще земли болѣе, нежели на пять фушовъ. Тѣло Христово! Гарсіасъ, приидцашь одинъ годъ бывшій могильщикомъ, не измѣнишь своему слову. Я при эшой работѣ не оспаюсь въ накладѣ, и шакъ — буду спарашься. Должно сдержашь свое слово, какъ прилично доброму Христіанину.

Х о з е .

Эхъ! да и эшакъ довольно глубоко! Къ чему опускашь шакъ низко эшошь бѣдный пругъ? Чего ты боишься, хозяинъ? Онъ хошѣлъ, чшобы могила его была въ пяпнадцашь фушовъ глубиною: ужели же онъ возвратишя съ шого свѣша, съ мѣриломъ въ рукѣ, чшобы повѣряшъ на самомъ дѣлѣ работу? Полно, не бойся, онъ насъ не представишь къ суду!

Г а р с і а с ъ .

Однако-же, Хозе, справедливо шо, чшо эшошь спарый скряга хошѣлъ

бышь похороненъ сколько можно да-
лѣе ошь людей.

Х о з е .

Не боишься ли онъ, чтобы не
украли его стараго скелеша?

Г а р с і а с ь .

Онъ, можетъ бышь, думаетъ, что
когда наступитъ день Воскресенія
мершвыхъ, то у Ангела не будетъ
такого длиннаго заступа и такой
сильной руки, чтобы вырышь и вы-
тащишь его.

Х о з е .

А что? онъ, можетъ бышь, и въ
самомъ дѣлѣ такъ думаетъ. . . . По-
жалуй, что онъ еще и правъ.

Г а р с і а с ь .

Бѣдный невѣжда! не думаешь ли
ны, что Ангелъ Воскресенія могиль-
щикъ?

Х о з е .

Не знаю; но я объ этомъ подум-
маю. . . или спрошу у священника.

Гарсіасъ.

Рой, рой, Хозе! шы только и годишься на эшо ремесло. Рой, шы не опыщешь поперяннаго здраваго разсудка!

Хозе.

Здравый разсудокъ, хозяинъ! Да скажи-ка мнѣ по правдѣ, имѣлъ ли его болѣе пошъ, кому мы гошовимъ послѣднее жилище? Знаешь-ли чшо, хозяинъ, между шѣмъ, какъ у насъ есть охота болташь, не расскажешь ли шы мнѣ исторіи сего страннаго человѣка? для чего хопѣлъ онъ, чшо бы могила его была глубиною въ пяпнадцашъ фушовъ? какую имѣлъ онъ на эшо причину? Вотъ, чего я не понимаю. Его исторія вѣрно очень смѣшна; видно, чшо эшошъ чудакъ былъ не слишкомъ уменъ.

Гарсіасъ.

Ты правъ, Хозе.

Хозе.

Я люблю рассказы о слабоумныхъ;

они забавляютъ меня болѣе всѣхъ прочихъ. А этакъ покойникъ былъ таковымъ, какъ ты самъ сознаешься. Скупой, скупой! какъ глупо быть скупымъ! не правда ли, хозяинъ? Имѣешь деньги и не ѣшь; быть богатымъ и добровольно перепѣть недостатковъ! по всему видно, что онъ былъ еще глупѣе меня.

Г а р с і а с ъ .

Ты, Хозе, вдругъ что-то необыкновенно умно заговорилъ. Но, поспой, мы устали; принеси нашу кошомку, поужинаемъ вмѣстѣ. Ошавъ на минуточку заснуть и сядь возлѣ меня; вотъ такъ, сюда! Я расскажу тебѣ исторію человека, подобнаго которому никогда не создалъ Творецъ милосердый.

Х о з е .

Вотъ прекрасно!

Г а р с і а с ъ .

Садись на край могилы, спусти

ноги , расположись поудобнѣе, и слушай !

Х о з е .

Слушаю , хозяинъ .

Г А Р С І А С Ъ . *(голосомъ проповѣдника.)*

Ни одно существо, созданное Богомъ по образу Его и по подобію, не походитъ на Дона Ферреро.

Х о з е .

Завтра Воскресенье ; я расскажу имъ это, вечеромъ, въ бесѣдѣ, и начну говорить слѣдующимъ образомъ :
» Послушайте, пріятели, великую новую исторію о *могиль скупца!* » Не прекрасное ли начало , а ?

Г А Р С І А С Ъ .

Слушай-же , и воспользуйся слышаннымъ .

Х о з е .

Слушаю , хозяинъ .

Г А Р С І А С Ъ . *(все еще торжественно.)*

Великимъ поученіемъ намъ служишь

но, что хранился въ этой гробницѣ, которую мы хотимъ передать землѣ. Бранный ошовъ, который скоро ляжетъ въ эту глубокую яму, кою мы теперь выкапываемъ, не имѣлъ на земли другаго идола, другой надежды, другой будущности, кромѣ денегъ. Онъ этимъ жилъ, этимъ пивался, не могши никогда насытиться ими. Я видѣлъ его на нашемъ городскомъ рынкѣ, бросающаго алчные взгляды на всѣ деньги, кои видѣлъ вокругъ себя. Въ этомъ взглядѣ выражалось нѣчто демонское. Я удивлялся, какъ онъ могъ удержаться отъ кражи и убійства; но Ферреро былъ прусъ. Сребролюбіе, въ соединеніи съ мужествомъ, производитъ разбойника, въ соединеніи же съ прусоспнію — скупаго.

Х о з е .

Господинъ могильщикъ, ты говоришь, какъ Викарій; ты проповѣду-

ешь также хорошо, какъ священникъ.

Г А Р С І А С Ъ .

Мертвые научаютъ. Посмотрѣлъ бы ты на эшотъ изъ-сѣра-зеленоватый глазъ, ушрашающій купцевъ и купчихъ, когда они подходили къ Ферреро, и на эти сухощавые длинные пальцы, кои сгибались, подобно когтямъ, даже и тогда, когда они хватали только пусшой воздухъ—ты бы сказалъ, что они сжимаются, чпюбы обнять любимый металлъ свой. Если онъ былъ принужденъ размѣнять монету, то онъ, казалось, пожиралъ глазами себя и твои деньги, и въ ужасѣ невольно попяتيشся назадъ. Въ этой душѣ не было никакого чувства доброжелательства, никакого великодушія. Онъ никогда не говорилъ съ дѣшми, презиралъ женщинъ и никогда не имѣлъ жены. Онъ занимался единственно самимъ собою и кучею полновѣсныхъ дублоновъ, кои

накопилъ. Онъ запирался дома, занятый созерцаніемъ внутренняго образа своего счастья и снѣдалъ свое собственное сердце, мучимый страхомъ, что его обокрадутъ, и горестію, что не можетъ еще скорѣе умножать свои богатства. Это сердце, подверженное всегдашнимъ мученіямъ, почилъ пожирающій червь скупости денно и ношно.

Около двухъ недѣль тому назадъ, пришелъ ко мнѣ Ферреро. Онъ началъ разговоръ жалобою на алчность людей, на трудность пропитать себя и на дороговизну: такъ поступаютъ всѣ скряги. Я не зналъ, къ чему клонятся всѣ эти разговоры. Вдругъ онъ сказалъ мнѣ:

— » Гарсіасъ! ты малый честный, сколько честный, сколько можно быть шакковымъ въ нынѣшнія времена; скажи-ка мнѣ, по совѣсти; сколько возьмешь ты, чтобы выкопать мнѣ

могилу въ пятнадцать фушовъ глубиною ? ».

— Милоспивый государь , отвѣчалъ я ему , мы поговоримъ объ этомъ тогда , когда вы будете имѣть въ помъ нужду .

— » Нѣтъ , нѣтъ , вскричалъ онъ , я хочу распорядиться этимъ самъ , прежде смерти : иначе бѣдные наслѣдники мои будутъ обмануты . Съ нихъ потребуютъ огромную сумму ; этому-то я хочу воспрепятствовать . Я дѣлаю это изъ любви и сожалѣнія къ нимъ .

— Но , любезный господинъ , если я пригоповлю могилу сегодня и вы еще долго проживете , то не пройдетъ зимы , которая бы не уничтожила этой могилы ; подумайте хорошенько объ этомъ . Надобно будетъ снова начать ту же работу , что и станеть вамъ въдесятеро дороже .

— » Всѣ нынѣ стараются обманывать! вскричалъ онъ. Не только эпопъ проклятый могильщикъ хочетъ обмануть меня, но и самое время вмѣшиваается въ эпо и лишаетъ меня денегъ! Но ты не получишь ихъ, старый скелешъ! прибавилъ онъ озлобясь, и своя коспявая рука не завладѣетъ моими червонцами. Послушай, могильщикъ, вопъ мы уладимъ эпо дѣло: я заплачу тебѣ впередъ положенную цѣну, а ты обяжешься судебнымъ актомъ вырыть мнѣ, если она попребуется, могилу, по моимъ поспановленіямъ. Посмотримъ, много-ли ты возьмешь? Будь снисходителенъ ко мнѣ! Тебѣ нужно имѣшь, для эпого двухъ работниковъ, не болѣе; двухъ дней доспапочно, а люди нынче не дороги, скорѣ найдешь работниковъ, нежели работы. Говори же, я хочу уладить эпо дѣло, чшобы быть спокойнымъ на счетъ эпого.

Его предложеніе показалось мнѣ споль спраннымъ, что я едва могъ удержаться ошъ смѣха.

» Охошно, сударь, отвѣчалъ я ему; мнѣ нужны деньги, и никшо, увѣряю васъ, не исполнишь эшого дѣла дешевле моего. Я прошу у васъ всего только чепвершь мараведа за кубическій фупъ; но съ шѣмъ, чшобы вы удвоивали эшу цѣну, по мѣрѣ углубленія заспуа въ землю.

— Удвоишь цѣну по мѣрѣ углубленія заспуа въ землю?

Онъ подумалъ минушу и сказалъ:

— Съ охошою; но я не буду ни поишь, ни кормишь работниковъ: не дамъ ни одной копѣйки на пропитаніе—слышишь ли, Гарсіасъ? согласенъ ли? я шакъ согласенъ; вопъ шебѣ рука моя.

— Хорошо! и я согласенъ, отвѣчалъ я.

Если бы ты, Хозе, видалъ, съ какою радостью скупой ударилъ су-

хою рукою по моей, и какъ онъ принуждалъ меня, оспавя занятія, ишпи къ Rescribano (*)! Двойной контрактъ сдѣланъ и подписанъ нами и законнымъ спряпчимъ. Ферреро вынулъ кошелекъ и ожидалъ, чшобы ношаріусъ окончилъ свою смѣшу и объявилъ сумму, на которую мы условились. Но Rescribano чшд-по долго мѣшкалъ.

» Чоршъ побери! » вскричалъ Ферреро, вы очень долго копаетесь, » господинъ ношаріусъ, другъ мой; что за исчисленія въ такой незначительной суммѣ! Ничего нѣтъ легче какъ сосчитать какихъ нибудь три или четыре доллара, не болѣе.

— » Ну нѣтъ, прервалъ его ношаріусъ, окончившій въ это время свой счетъ — немного побольше: смотрите, приходился заплатить ровнехонько 200 долларовъ. »

(*) Ношаріусъ.

» Ферреро дрожащею рукою взялъ поданный ему счешъ и съ ужасомъ пробѣжалъ его. Мученія изобразились на лицѣ его; ны принялъ бы его за символъ смерти. Сухой подбородокъ его опустился на грудь; онъ старался заговорить, но шщепно! Зубы его сшучали, дрожащія колѣна бились одно объ другое; онъ плакалъ, умолялъ, заклиналъ и опказывался опъ плашежа. У мсня лежишь еще контракшъ, заключенный между имъ и мною, и по которому заспаваю запланить себѣ. Чшо же касается до него, то онъ заперся дома, опказался опъ пици и умеръ съ голода.

» Опчаянїе, что онъ согласился на мое предложенїе, убивало его. Эпи 200 долларовъ его умершвили; эша, еще невырытая могила, за которую онъ долженъ былъ запланить споль дорого, погубила его. «

Х о з е (*слѣясь*).

Ха, ха, ха! хозяинъ, вопшь шебъ и могила! не приняпсья ли опянь за работу? Кончимъ скорѣе. Зароемъ эшого спараго скрягу.

Г а р с і а с ь.

Сейчасъ; мой разсказъ еще не конченъ. Короче, опъ провелъ три, чешыре дня въ спенаніяхъ, слезахъ, оплакивая свою опрометчивость — и умеръ.

Х о з е.

Хозяинъ, ны погубилъ эшого бѣднягу. Я знаю законы и мнѣ извѣстно, что ожидаспъ шебя, а именно: ны будешъ повѣшенъ, и я буду имѣшь честь похоронить шебя; ибо, послѣ смерти швоей, сдѣлаюсь я главнымъ могильщикомъ.

Г а р с і а с ь.

Молчи! болѣе двадцати лѣтъ пому назадъ, заказалъ Ферреро себѣ у споляра улицы Великаго посна прекрасный гробъ. Эпо былъ боль-

шой ящикъ, гораздо глубже обыкновенныхъ гробовъ. Онъ споялъ у постели его. Двойной, висячій замокъ охранялъ и запиралъ его ; онъ не переставалъ сморгнѣть на эптошь тяжелый ящикъ. Иногда зимою когда въспрѣ гудѣлъ въ худыхъ оконницахъ ; когда скрипѣла старая дверь на заржавыхъ пепляхъ ; когда Борей ревѣлъ въ трубы ; когда пронзительное завываніе бури успрашало старыхъ бабъ , — тогда онъ закупывался въ большой бѣлый саванъ , садился къ очагу , на коемъ не было огня и приспально сморгнѣлъ на гробъ и попомъ садился на него. Здѣсь оставался онъ неподвижнымъ по цѣлымъ днямъ. Спарушки поговаривали , будто онъ чловѣкъ благочестивый ; но онъ ошибались. Полагали, что, сидя на гробѣ, онъ раскаивася въ своихъ прегрѣшеніяхъ и навѣрное оставитъ бѣднымъ накопленные имъ богатства,

изъ коихъ не дѣлалъ никакого употребленія.

Вчера, около полудня, два человека подняли гробъ, въ коемъ лежалъ трупъ скупца, и хотѣли его вынести. Они на силу спронули его съ мѣста и, опть сильнаго движенія, дно гроба проломилось. Опгадай, Хозе, что находилось между двойнымъ дномъ его?—Золото!—да, золото! безчисленное множество долларовъ, червонцевъ всѣхъ сортовъ сполько, что этихъ денегъ было бы доспамочно на приданое дочери Американскаго вицероя. Онъ все взялъ съ собою.

Х о з е.

Ха! ха! ха! шо-шо бы онъ удивился, еслибъ возвратился шеперь на эшошь свѣпгъ!

Г а р с і а с ь.

Онъ хотѣлъ, чтобы доллары перешли съ нимъ въ вѣчность. Въ нихъ заключалось все его блаженство.

Онъ имѣлъ бѣдную , спарую шепку и премиленькую племянницу , которая , внезапно обогатясь , весьма обрадовалась сему случаю. Ну, Хозе! я сказалъ , что это урокъ для тебя : воспользуйся-же имъ! Видишь ли ты этотъ трупъ? Онъ былъ богаче перваго Мадридскаго банкира и бѣднѣ послѣдняго Африканскаго Негра; ибо онъ лишалъ себя всего и не наслаждался ни чѣмъ. Что за человекъ! обжора и распочишель на счетъ другихъ , онъ былъ скупъ до безконечности на все, что принадлежало ему! Это былъ презрѣннѣйшій изъ всѣхъ прусовъ , какихъ я когда либо погребалъ. Покойникъ былъ прусъ ; но еслибы не прусилъ , то заслужилъ бы въполнѣ висѣлицу.

Х о з е .

Но, хозяинъ, не говори такъ громко; что , если этотъ презрѣнный вдругъ оживетъ?

ГАРСІАСЪ.

Развѣ ты его побоишься, а?

ХОЗЕ.

Нѣтъ, хозяинъ; я менѣ всего боюсь духовъ.

ГАРСІАСЪ.

Тѣмъ лучше! спушись же скорѣе въ могилу и помоги мнѣ.

ХОЗЕ.

Хозяинъ! могила уже очень глубока; что если она обрушится на насъ?

ГАРСІАСЪ.

Но ты сказалъ, что не боишься?

ХОЗЕ.

Именно не боюсь! а въ доказательство сей часъ спущусь!

Голосъ. (*выходящій изъ гроба.*)

Ахъ! я задыхаюсь! опворинне! мое золото.

ГАРСІАСЪ.

Хозе! слышишь ли ты?

Х о з е. (*стараясь убраться.*)

Хозяинъ! спасайся : эпо духъ его!
(*могильщицы вскакиваютъ и упадаютъ въ могилу*).

ФЕРРЕРО. (*проламываетъ гробъ и на силу поднимается.*)

Гдѣ былъ я? Ахъ, Боже мой! опкуда эпо я вышелъ? Они меня похоронили! Вотъ и гробъ! О, Боже мой! эпо ужъ болѣе не мой прекрасный, дубовый гробъ, за который я заплпилъ столярю Толедо пятнадцать экю! А прекрасные мои доллары, коими наполнено было дно! . . . Охъ! Боже милосердый! я погибъ! мой гробъ! мои доллары! меня обокрали! воры! воры! (*Бѣжитъ въ деревню, закутанный въ саванъ.*)

ТРИ СЕСТРЫ.

ТРИ СЕСТРЫ.

Не знаю, удастся ли мнѣ, въ слѣдующемъ разсказѣ, передать то чувство, которое возбуждали во мнѣ три молодыя дѣвицы, коихъ видѣлъ я умирающими въ Рупландширѣ, въ Англіи. Нынѣ преобладаютъ ощущеній ужасныхъ, разнообразныхъ, и простой разсказъ о послѣднихъ минутахъ жизни трехъ несчастныхъ, кои погибли въ молодости отъ наследственной болѣзни, мало представляеть занимательнаго и разительнаго. Нынѣ стараемся мы также, сколько можно болѣе въ Литтературѣ сблизиться съ *Истиною*; а если истина является безъ прикрасъ, то мы прибавляемъ къ ней низкое, простое или глупое,

чтобы подкрѣпить ея слабость и прикрасить ея сухость. По сей - то причинѣ представляю я свои воспоминанія, какъ печальную истину, которой я былъ очевидцемъ, и копорая меня пронула. Пусть счинаяють эпошъ разсказъ не *моимъ*, а *истиннымъ*, какъ говоришь Монпанъ.

Опець эпѣхъ дѣвушекъ овдовѣлъ рано. Это былъ одинъ изъ тѣхъ деревенскихъ дворянъ (country gentlemen), кои соединяють въ своихъ жилищахъ, полу - деревенскихъ и полу - господскихъ, почти все, что можетъ способствовать истинному счастью человека и дать ему возможность спокойно провести жизнь: общее уваженіе, богатство, благополучіе, возможность и случай часто оказывать благодѣянія. Это житье шаково, что о немъ не могутъ дать понятіе ни города Италіи, ни древніе Французскіе замки, ни наши пышныя деревни. Болѣе хозяйственное, болѣе трудолюбивое,

оно соединяетъ въ себѣ порядокъ, довольство, роскошь, копорая однако не можетъ назваться великолѣпіемъ, нѣкопорая смиренная пышность, копорая кажется сотворенною только для того, чтобы увеличить благоденствіе владѣтеля и, не смотря на это, не лишено однако ни пріятства, ни даже поэзіи. Обширныя и хорошо обработанныя нивы, изобильная охота, хорошія охотничьи собаки, превосходныя лошади; наконецъ, чтобы сказать все, это состояніе есть вмѣстѣ аристократическое и сельское; его можетъ поносить философъ-спекуляторъ; но всякому маленькому владѣтелю придаетъ оно воображаемую важность и въ то же время существенное вліяніе; все это составляетъ жизнь шихую, копорая совершенно противоположна превожной жизни богачей пвердой земли,—жизнь, кою можно дѣйствительно наслаждаться, если только находишь къ тому сред-

ства въ самомъ себѣ и если не успрашаешь уединеніе.....

Къ несчастію, шѣмъ, чѣмъ владѣешь человѣкъ, онъ наименѣе можетъ наслаждаться. Владѣлецъ, о комъ я говорю, не думалъ, чѣмъ во всемъ эпюмъ заключалось благополучіе, и хотя былъ человѣкъ, но весьма былъ близокъ къ безсловеснымъ. Безъ сомнѣнія удивлялся, чѣмъ я не избралъ, вмѣсто его, опца сенименпальнаго, который бы сдѣлалъ нѣжными эпю страницы и увеличилъ бы пашенической эффектъ описываемаго мною приключенія; но жизнь, истина, свѣтъ, каковы они есть, не подчиняются такимъ ученымъ соображеніямъ. Отецъ трехъ молодыхъ дѣвицъ, какъ большая часть его собратьевъ, былъ горячій охотникъ, и благодаря долгъ овременному упражненію, почти всегда опьянѣлый еще опъ вечера, однако здраво и невредимо возвращался домой около ше-

сти часовъ послѣ полудня съ опасныхъ набѣговъ. Назавтра, въ пять часовъ утра онъ принимался опять за то же, и такъ пропекала вся жизнь его. Дочери какъ будто и не существовали для него; одна сестра его имѣла о нихъ попеченіе, или, справедливѣе, лишившись матери, которая умерла на двадцать претпьемъ году жизни отъ чахотки, онъ совершенно были оставлены сами себѣ и предчувствію о судьбѣ, ихъ ожидающей.

Каролинѣ должно было умереть первой.

Она ни въ чемъ не сходствовала съ двумя сестрами своими, которыя обѣ были старше ея; ей было около семнадцати лѣтъ. Она была болѣе мила, нежели прелестна и болѣе привлекательна, нежели мила; глаза ея блистали живымъ, но какимъ-то пусклымъ огнемъ: они походили на пошухающую лампаду. Легкость ея походки, живость отвѣсовъ,

простота забавъ, рѣзвая веселость, въ совокупности съ предчувствіемъ близкой смерти, имѣли разительную противоположность съ тихимъ покорствомъ Эммы и пламеннымъ и страстнымъ выраженіемъ Маріи.

Когда три сестры бывали вмѣстѣ, тогда младшая господствовала надъ прочими. Нѣкоторый опішѣнокъ ея характера сообщался двумъ сестрамъ ея, и эти характеры, ешоль различные, согласовались съ прелестію, которую равно трудно и выразишь и забышь.

Чѣмъ болѣе болѣзнь въ Каролинѣ увеличивалась, тѣмъ болѣе умножались ея живость и веселость. Внутреннее разрушеніе, которое производилось мало по малу, казалось, украшало жерниву снаружи. Около конца зимы 1816 года, легко можно было предвидѣшь, что весна, ешолько же опасная для страдающихъ грудью, какъ и осень, не пройдешь, не умерт-

вивъ своей жертвы. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на совершеніе эпого физическаго и моральнаго феномена и на медленное приближеніе смерти, которая, подобно тихому морю, въ нечувствительномъ приливѣ поглощаетъ свою вѣрную добычу. Тогда кажется, что вся душа, ужаснувшись, видя близость угрожающей ей участи, отступается, скрѣпляется и удваиваетъ свои силы и горячность. Съ каждымъ новымъ днемъ принимало лице бѣдной дѣвушки живѣйшій цвѣтъ; подобно небу, воспламеняющемуся и оживающему къ ночи. Видя пламень очей ея и быструю движень, вы бы сказали, что вдругъ возстановляющеся здоровье, оживляется новыми соками эпо нѣжное твореніе, и что жизнь, съ своими радостями, удовольствіями и надеждами, начинаетъ открываться предъ нею сокровища, коихъ созерцаніе ее обольщаетъ. Дѣйствіе, производимое симъ

смѣшеніемъ и сею борьбою жизни и радостей съ неминуемою смертію, напоминали мнѣ мало извѣстную картину, не помню какого имени, Голландскаго живописца; эпопѣ художникъ, болѣе философъ, нежели его хладнокровные совмѣстники, изобразилъ ребенка, который улыбается и играетъ побрякушками, просперпый на бѣломъ саванѣ; онъ окруженъ всеми эмблемами разрушенія: изсохшій черепъ поддерживаетъ его маленькую бѣлокурую головку; мершвая кость въ его ручонкахъ. Подобная проповоложенность находилась между молодою и веселою неопытностію и гробомъ, ее призывающимъ. Ничего не было печальнѣе и трогательнѣе.

Веселость молодой дѣвушки продолжалась до послѣднихъ минутъ ея жизни. Никто не видалъ, какъ она умерла. Однимъ упрямъ, въ концѣ Мая мѣсяца, вспала она очень рано и сошла въ гостиную, гдѣ спояла ея

арфа; сестры ея еще спали. Около десяти часовъ нашли онъ Каролину еще улыбающуюся, облокотившуюся на опшоманъ и опустившую голову, чтобы никогда болѣе не поднимать оной; окостенѣлые пальцы ея еще были просшерты, какъ бы для того, чтобы вновь схватить инструментъ, который вынесла она.

Я уже сказалъ, что эшошь разсказъ весьма простъ; въ немъ нѣтъ ни необыкновенныхъ происшествій, ни чудесъ, и вмѣсто всѣхъ капаспрофъ, только одна — послѣдняя: кончина. Я желалъ бы однако воскресить память энгъхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя жили въ свѣнгъ, не оставя въ немъ по себѣ никакого слѣда, подобно пѣннѣ пшпцы, раздававшемуся въ лѣсу. Мнѣ хотѣлось только разсказать вамъ, что онѣ жили, разсказать, какъ онѣ умерли; я бы хотѣлъ, чтобы неизвѣстныя имена ихъ не совсѣмъ истребились. Я былъ бы

счастливы, если различные ошибки, столь скоропропущенной и столь невинной их жизни, могли интересовать некоторых людей.

Эмма Бешоунт, годом старше Каролины, последовала за нею. Это была необыкновенная особа, которой разум созрел очень рано. В мыслях ее заключалось нечто необыкновенно глубокое; в поведении обдуманность и благородство. Она была бледна, блондинка; черты ее удивительно были правильны. Несколько не причастная кокетству, но обладая редкими талантами, легкостью соображения и точностью ума, каким я мало видел примеров, она хотела, подобно сестре своей и большей части людей, подверженных сей ужасной болезни, пожизненно много в короткое время своего существования. Учение и искусства занимали ее во весь день; она жила тем неугасимым пламенем, коего блеск и

шешмона увеличивались ежедневно. Эти успѣхи, кои скоро должны были остановиться смертію, производили болѣе опасенія нежели удивленія. Она не видала свѣта, но угадывала его. Замѣчательная способность наблюденія, столь обыкновенная въ женщинахъ, въ ея уединеніи развилась въ ней, и, какъ часто случается съ уединенно - живущими, идеи ея о всѣхъ вещахъ были тѣмъ необыкновеннѣе и глубокомысленнѣе, что она не знала ихъ недавности и считала ихъ за простые парадоксы.

Намъ съ нею довольно часто случалось говорить о недавно - вышедшихъ книгахъ и даже о театръ, копорый она знала только по книгамъ.

» Видише ли, говаривала она мнѣ, въ большей части этихъ книгъ есть тысяча такихъ вещей, коихъ я не перплю; я чувствую, что это неправда. Неправда мнѣ столько же противна, какъ ложь; въ сочиненіяхъ,

въ искусствѣхъ, мнѣ кажется, что ложное есть зло. Скажите мнѣ, опчего я вездѣ его встрѣчаю? Одинъ выражаетъ проспошу, другой величіе. Вашъ Дидеротъ, коего трагикомедію вы просили меня прочесть, съ его мнимою любовію къ добродѣтели, есть самый ложный человекъ; каждое изъ его дѣйствующихъ лицъ обманчиво какъ Ересиархъ. Другіе низки и невѣрны, какъ рабы. Съ шѣхъ поръ, какъ Валперъ Скопшъ началъ писать гошическіе романы, все ему подражаютъ; это несносно! Притворство шакъ ошврапшительно! это есть также ложь. Во всехъ эпѣхъ усиліяхъ липператоровъ не достаешь совѣсти; они пишутъ не какъ чувствуютъ, но такимъ образомъ, чтобы польстить публикѣ: это придворные и актеры; они играютъ роль, а не имѣютъ самосшошпельности. Я думаю иногда, чшпая ихъ, что вижу человека на ходуляхъ; въ другой разъ

гордецовъ, выдающихъ себя за нищихъ, и, въ своей ложной простотѣ, одѣвающихъ въ лохмотья, чшобы ихъ замѣчали. Не Французъ ли сказалъ первый, чшо *языкъ словтческій данъ человтку для обнаруженія его мыслей?* Большая часть писателей именно эту поговорку приняла себѣ за эпиграфъ. Я согласна, чшо вы и подобные вамъ, воспитанные въ Латинскихъ и Греческихъ Коллегіяхъ, и пригошворяющіеся къ преніямъ въ Парламентяхъ, находите все это прекраснымъ; но мы, женщины, не понимаемъ нисколько этого всеобщаго притворства, которое вы называете Липперашурою; мы всѣ любимъ, и мнѣ также нравишя, по крайней мѣрѣ, черпа неподложной испины, какихъ, напримѣръ, много есть у Сперна и печать свободы, которая видна во всѣхъ почти сочиненіяхъ вашего Мольера; слова, подобныя шѣмъ, которыми изобилуетъ Шекспиръ; эти живописные

портреты, кои пошчасъ узнаешь и о конхъ говоришь: *Вотъ, это такъ,* эти переспективы, кои пошчасъ узнаешь, хотя и нѣтъ шупъ авпора, съ перомъ въ рукѣ и съ маскою, — по подобный профессору, гоповому вась обучать, по подобный шушу или комедіаншу, чшобы пересказать вамъ, чшо думали другіе, и шѣмъ уничтожить ваше удовольствіе. »

Такимъ - по образомъ юная дѣвица, видѣвшая шолько бархатный дернъ своего парка и кирпичныя снѣны маноргуза, опгадама великое и единственное раздѣленіе, которое въ самомъ дѣлѣ существуетъ въ искусствахъ и произведеніяхъ ума; такимъ образомъ, въ проспортѣ глубокомысленныхъ умственныхъ созерцаній, она далеко превзошла Ла Гарпа и доктора Блера. Конечно удивятся сей кажущейся странности; но забывать, сколько существуетъ сношеній между истинною кривикою и наблюденіями са-

мой природы человѣческой значить забывать, сколько истинно-простое глубоко и возвышенно. По ихъ врожденному познанію сердца, по ихъ ежедневнымъ размышленіямъ (или, скорѣе, по ихъ нѣжнымъ ощущеніямъ, кои преобразуются въ мысли) женщины всегда болѣе приближаются къ истинѣ нежели мы, и эти вѣрныя и умныя идеи, эти наблюденія, чрезвычайно тонкія, коихъ чистый источникъ не смѣшивается ни съ школьными предразсудками, ни съ спрасьями дружескихъ бесѣдъ, сектъ, партій, общежитія, занятій, умираютъ почти всегда съ тѣми, кои ихъ породили. Мушкетеръ опрыпю тысяча пухей; онъ можетъ проходить по любому, и на каждомъ изъ нихъ оставитъ слѣды своего шествованія и доказатъ попомшву, что онъ жилъ. Относительно же къ женщинамъ, бываетъ совсѣмъ иначе: скрытность, господствующая въ жизни ихъ, про-

спирается также и на ихъ мысли. Изрѣдка только случалось, что чрезъ необыкновенныя обстоятельство, открывались и оспавались для будущности эти чувства, мнѣнія и наблюденія, часпю пошому, что дни ихъ протекають среди занятій, удовольствій и горестей семейной жизни, часпю же пошому, что онѣ умирають часто не достигнувъ старости, и тогда все вдругъ исчезаетъ: красота, прелести, познанія и даръ любить, чувствовашь и мыслишь.

Такъ исчезла Эмма Бешоунъ. Будущи, можешь быть, единственнымъ человекомъ, который могъ проникнуть гений ея, сокровища простой и смиренной мудрости, которые включалъ въ себя ея сверхъестественный умъ, я едва осмѣливаюсь начешь-пить здѣсь нѣсколько изъ моихъ воспоминаній, боясь, чтобы слишкомъ обыкновенная легкость не зашавила бы усомниться даже въ истинности са-

михъ воспоминаній. Всѣ сужденія ея, происходя опъ сильной и новой мысли и не заключа въ себѣ ничего, ни чужаго, ни поддѣльнаго, были достойны бышь собранными. Я приведу здѣсь только одно сужденіе ея, которое кажется мнѣ созданнымъ для удивленія умовъ въ такое время, когда весьма много занимаюся иносстранною Липпературою. Извѣстно, что въ глазахъ большаго числа криптиковъ, Ромео и Юлія — Шекспира, казались блистательною апофеозою любви, пѣсню элегическою, въ родѣ Англійской *Беренисы*. Въ этомъ предположеніи они испощали себя, стараясь изяснять страннѣйшій слогъ, чудный вымыселъ, фантастическія метафоры въ Ромео; и Джонсонъ, не въ состояніи будучи рѣшить этой загадки, довольствовался осужденіемъ Автора, но то, чего не открываютъ въ поэмѣ филологи и Лексико-

графы, по могла понять молодая дѣвушка.

»Кажется, сказала мнѣ однажды вечеромъ Эмма, что въ Ромео есть нѣчто ироническое и что Шекспиръ нѣсколько осмѣиваетъ любовь. Молодой человекъ есть юноша любезный, легкомысленный, безразсудный, исполненный нѣжности и непоспоянства; любовь его есть фантазія и прихоть, а языкъ его носитъ оппечашокъ фантазіи, подобно его спрашпи. Онъ любилъ Розалинду, копорая была нечувствительна къ его спрашпи; является Юлія, и онъ обращаетъ къ ней свои непоспоянные обѣщанія; весь преданный новому, овладѣвшему имъ впечатлѣнію, Ромео не знаетъ сколько поведеніе его смѣшно и безразсудно. Меркуціо, поставленный на ряду съ нимъ, принимаетъ на себя изъяснить чувства Шекспировы и только пѣтъ и занимается, что осмѣиваетъ любовь и влюблен-

наго. И когда эптошь спрашний сонъ, эпта фантазія, эпто мечтательное сновидѣніе оганчиваеиша убіиствомъ, горесію и опчаяніемъ, тогда Меркуціо, коего веселость дѣлаеиша безполезнаю или несумѣстною, изчезаетъ: поэпъ его убиваетъ и освобождаетъ опъ него. Не правда ли, что вмѣсто того, чптобы воспѣпъ гимнъ любви, какъ вы, можете быть, полагаете, по моему мнѣнію, Шекспиръ изображаетъ ее какъ прихотъ, порожденную въ мгновеніе, которая легко уничтожаетъ, приноситъ съ собою много горестей и споль же гибельна въ своихъ слѣдствіяхъ, сколько легка въ причинахъ; уподобляетъ ее перелетному вѣтерку, которій упояетъ и оправляетъ, очищаетъ и умерщвляетъ. « Эпто, признаться, есть лучшая крипка, которую я когда либо слыхалъ или читалъ о семъ необыкновенномъ ивореніи Шекспира!

Болѣзнь Каролины преобразилась

въ веселую форму, копорая, казалось, смѣялась надъ ожидающею ее участію. Для Эммы же при послѣдніе мѣсяца были необыкновенно мучительны: Она переходила ошъ изнурительнаго испощенія къ несноснымъ мученіямъ; она была не лучше привидѣнія. Сестра ея, Марія, ходила за нею, и ничшо, казалось, не печаливало ее сколько, сколько присушствіе этой сестры, также обреченной на смерть, и забывающей собственную судьбу свою, для услажденія послѣднихъ минушъ сестры своей. Я замѣнилъ въ Эммѣ довольно сильную склонность къ религіознымъ идеямъ; ея мученія и близкая смерть увеличили сію склонность, копорая, къ концу жизни ея, превратилась въ сильнѣйшій энтузіазмъ. Сестра ея, Марія, сидя у изголовья ея, писала по дикшовкѣ гимны или священныя пѣсни, кои Эмма сочиняла, когда ей спановилось легче. Известно, что стихосложеніе Англій-

ское мало предспавляеть препяш- ствій и шрудностей, и что поэпи- ческое чувспво свободно д'йснвуеть въ избираемомъ разм'рѣ. Эпи гимны умирающей были величеспвенны; но, чшобы передать ихъ въ ихъ первород- ной красотѣ, надобно имѣть ша- ланпѣ Ламарпина. Разъ, вечеромъ, замѣшила старая шешка, что б'мье и изсохшіе пальцы Эммы болѣе не шевелились и руки оспались скрещен- ными на груди: все кончилось!

Оспалась одна Марія—старшая и нѣжнѣйшая изъ трехъ сесперѣ. На- ходясь въ усдиненіи, и будучи одаре- на спраспнымъ характеромъ, кшо знаетъ, не сшипала ли она смерть убѣжищемъ? По крайней мѣрѣ, смо- шрѣла она на нее съ эшой шочки. Довольно легкіе, но благопріятные признаки давали намъ нѣкоторую надежду. Пульсъ ея былъ слабъ; но докторъ радовался, что не находилъ въ немъ неправильнаго біенія, како-

вое бываше въ горячкѣ. Щеки ея не украшались тою пурпуровою краскою, которая появляется обыкновенно образуя пятно посрединѣ блѣдныхъ щекъ. Мы старались сообщить ей наши надежды, и даже опещь ея, котораго смерть двухъ дочерей поразила ужасомъ, почти всегда находился близъ Маріи. Но если начинали увѣрять ее, что она останется въ живыхъ, то она покачивала головою и молчала. Она, казалось, говорила намъ: « Есть тайны, извѣстныя только умирающимъ. »

Вскорѣ овладѣла ею большая слабость; она не могла болѣе вставать съ мѣста, когда садилась. Казалось, что смерть въ ней обитаетъ. Когда мы ее сажали на стулъ, находящійся у дверей дома, тогда ея усталые члены, безсильные составы и ослабленныя нервы отказывались опъ малѣйшаго движенія, и должно было отнести ее обратно въ постель.

За годъ до этого времени, свашался за Марію молодой Оксфордскій студентъ; но отецъ ея отказалъ ему. Это былъ сынъ одного Тори, и по сей причинѣ, предметъ ненависти для *country gentlemen*, который былъ Вигъ, не зная самъ, почему, и который шѣмъ непрсклоннѣе былъ въ своихъ намѣреніяхъ, разъ принявшихъ, чѣмъ его мысли о семъ предметѣ были ограниченнѣе и болѣе скоропреходящи. Марія, которой пыкая душа видѣла въ этомъ союзѣ блаженство, почувствовала величайшую горестъ, видя надежду свою разрушенною. Отецъ, который видѣлъ погибающею дочь свою, теперь единственную, уговаривали пожертвовать ненавистью Вига надеждѣ къ спасенію Маріи. Онъ, не безъ сожалѣнія, рѣшился писатъ къ молодому человѣку, который, по несчастію, уѣхалъ въ Испалію, чтобы шамъ размыкать грустъ свою. Пропекло че-

тыре мѣсяца, въ теченіе которыхъ молодая дѣвушка мало по малу угасала.

Когда женихъ ея прибылъ, было уже поздно. Она жила еще,—но какою жизнью! Ее хопѣли увѣрить, что путешествіе въ Италію ее оживитъ.

» Нѣтъ, сказала она, я хочу умереть
» близъ сестеръ моихъ и быть вмѣ-
» спѣ съ ними погребенною..... На-
» ши при могили будущъ' соединены
» вмѣспѣ на маленькомъ кладбищѣ де-
» ревни Бланшайръ. Я хочу, чтобы
» тѣ деревья, запахъ которыхъ я вды-
» хала и шелесту листьевъ моихъ вни-
» маю часто, были и тогда близъ
» меня, близъ насъ. Это конечно ме-
» чты и химеры, ребяческія прихоти;
» но не отказывайте мнѣ въ нихъ:
» онѣ меня утѣшаютъ. «

Медленно вылепала жизнь изъ груди ея, подобно маленькому водному источнику во время лѣта, который исчезаетъ и переносится въ песокъ. Последнее явленіе этой семейной пра-

гедіи было ужасно. Сельское кладбище лежитъ на довольно высокомъ пригоркѣ, близъ церкви. Марія очень спрадала; ей было извѣстно, что свѣжій воздухъ, вдыхаемый на возвышенномъ мѣстѣ, ускоряетъ успѣхи чахотки и часно сопротивлялись ея желанію: поспипть могилы Каролины и Эммы. Доспигнувъ крайней степени болѣзни, и въ минушу, когда послѣднее дыханіе, готовое осшавишь ея, дрожало, предвѣщая новыми мученіями приближеніе смерти, она хотѣла, чшобы снесли ея къ двумъ сестрамъ, посадивъ на ивовыя носилки.

Должно было повиноваться; вся надежда исчезла, и пропивишись усиленнымъ просьбамъ ея было бы бесполезно и жестоко. Генрихъ — женихъ ея—и отецъ ея слѣдовали за нею. Прибывъ на означенное мѣсто, она сказала:

» Я помню, что была здѣсь въ прошлое Воскресенье; меня поддержива-

ли; но я могла еще ходишь..... Теперь....

Генрихъ закрылъ руками лице и заплакалъ.

» Другъ мой, сказала она ему, я иду туда, гдѣ сестры мои; туда, гдѣ мы всѣ свидимся, гдѣ опять всѣ сойдемся. Прости.... обойми меня еще разъ прежде моей смерти.

Онъ наклонился; она едва имѣла силу обнять его испустила продолжительный вздохъ и — онъ былъ послѣдній.....

Я присутствовалъ при погребеніи послѣдней изъ сихъ несчастныхъ; я видѣлъ, какъ ее опускали въ грѣбное и послѣднее жилище. Нѣмая и бессмысленная печаль отца пронула меня! Душа этого человѣка была распрогана. Что касается до меня, то воспоминаніе объ этихъ трехъ сестрахъ никогда не оставяло меня. Что значаешь предъ симъ великія бѣдствія, о коихъ намъ рассказываютъ; мученія обманушаго честолюбія, наполняющія

Исторію; гласныя несчастія; блистательныя катастрофы, прогающія насъ попому, что онѣ устрашаютъ, близъ этой жизни, этой смерти, этого продолжительнаго мученія, непрерывнаго, ощущительнаго движенія, при наспуленіи горестнаго времени—продолжительнаго спраданія, за коимъ слѣдуетъ долгодобвеніе?

Рожденныя со всѣмъ, что составляетъ счастье и заставляетъ дѣлаться онымъ съ другими; созданныя, чтобы любить, быть любимыми; понимаютъ всѣ сердечныя ощущенія,—какой слѣдъ оставили онѣ послѣ себя въ свѣтѣ?... Три гробовыхъ камня въ Рупландширѣ!... Спраданія мучениковъ, несчастія генія, неудачи героевъ,—имѣютъ свое утѣшеніе и свое вознагражденіе; но здѣсь только мучительная неизвѣстность при величайшихъ мученіяхъ—видѣть свою смерть, видѣть свою кончину!... Итъ! въ длинномъ спискѣ всѣхъ горе-

сней человѣческихъ не найдется плачевнѣе и достойнѣе сожалѣнія судьбы эѣхъ шрехъ несчастныхъ сестеръ, существованіе которыхъ было только жертвоприношеніемъ смерти, освященіемъ шрехъ жертвъ! —

П Е Р В О Й Ч А С Т И .

Цена за экземпляръ 7 рублей.
Продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

